

Анхель де Куатьэ

В поисках скрижалей

ВОЗЬМИ С СОБОЙ ПЛЕТЬ

вторая скрижаль завета

книга третья

Куатьэ, Анхель де

Поиски Скрижалей продолжаются!

Что мы знаем о своей ненависти?.. Отчаяние одиночества и страх перед собственной искренностью ранят душу, словно удары плети. Нельзя любить ближнего, если ты не научился еще любить самого себя. Именно эту истину предстоит узнать человеку, в котором Тьма спрятала вторую Скрижаль Завета. Новая книга Анхеля де Куатьэ — потрясающая воображение психологическая драма. Нам предстоит погрузиться в мир, где жизнь лишена веры и любви. Но это лишь начало пути... Сможем ли мы пройти этот путь?

Эта история тронула сердца десятков тысяч людей. Она открывает нам тайны мироздания и дарит Надежду...

«За каждым нашим поступком стоит страх, и это страх смерти. Но мы не осознаем и не замечаем этого. А ведь именно этот страх — страх смерти — мешает нам любить и быть искренними, именно из-за него мы не чувствуем себя хозяевами собственной жизни».

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ
ПРЕДИСЛОВИЕ
ПРОЛОГ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ЭПИЛОГ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Третья книга Анхеля де Куатьэ. Признаюсь, я с нетерпением ждал эту рукопись. Мне пришлось понервничать. Тексты первых двух книг пришли буквально друг за другом, а вот третья задерживалась. Я уж решил, что мои ожидания тщетны, как вдруг... Сажусь в свою машину и обнаруживаю на пассажирском сидении стопку бумаг. Сначала подумал, что сам забыл здесь какой-то текст, потом пригляделся и понимаю — это де Куатьэ! Каким образом сюда, в закрытую и стоящую на сигнализации машину, попала эта рукопись?.. Как всегда — неизвестно.

«Возьми с собой плеть» — название книги на секунду повергло меня в шок. Такое странное, неожиданное! О чем книга?! Я начал судорожно листать страницы, глаза побежали по строчкам. Я зачитался и незаметно для самого себя буквально проглотил ее целиком — прямо здесь, в машине. Как и две первые, она читалась на одном дыхании, завораживала своим аскетичным и вместе с тем чувственным стилем, держала в напряжении сюжетной линией и потрясала тем смыслом, который угадывался в ее строках.

Приехав домой, я захотел перечитать ее заново. И не успокоился, пока не прочел ее трижды. Каждый раз, перечитывая рукопись, вникая в содержание, я открывал для себя что-то новое. До сих пор не могу понять, как автору удастся рассказывать историю, и при этом говорить о вещах много больших, чем ее сюжет. Драма героев книги вызывает целую гамму чувств, но мир смысла, в котором они существуют, перекрывает по своему значению и силе любые человеческие переживания.

Как оказалось, название книги — это не просто название, это цитата, фраза из легендарной книги «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше:

«А теперь прими мою маленькую истину!»

Я достаточно стара для нее! — сказала старуха.

— Закутай ее и зажми ей рот, иначе она

будет кричать слишком громко, эта маленькая истина".

„Дай мне, женщина, твою маленькую истину!" — сказал Заратустра.

И вот что сказала ему старуха:

„Ты идешь к женщине? Не забудь взять с собой плеть!"»

Сюжет «Заратустры» в какой-то момент жизни перевернул судьбу главного героя книги — Ильи. Что-то надломилось в нем, когда он вычитал в «Так говорил Заратустра» три роковые для себя фразы: «Бог умер!», «Умри вовремя!» и «Ты идешь к женщине? Не забудь взять с собой плеть!». Ницше, которого, наверное, неслучайно называют пророком Апокалипсиса, лишил Илью веры и погубил его чувство. Странно ли, что вторая Скрижаль Завета нашла свое пристанище именно в этом человеке?

Судьбе было угодно, чтобы из омыта бесчувственного существования Илью вырвала другая книга — ни названия, ни автора которой я, к своему стыду, не знаю. Она стала толчком к внутреннему преобразению Ильи. А путь Анхеля и Данилы, пересекаясь с жизнью Ильи, снова, как и во второй книге, пролегает между страхом смерти и страхом перед жизнью, перед подлинностью мира.

Впрочем, я не философ и даже не психолог, а только издатель. Но, как издатель, я не могу не сказать сейчас несколько слов о литературном феномене Анхеля де Куатьэ. Это действительно уникальная серия книг! Сначала, признаюсь, я и не задумывался об этом. Но стоило приглядеться к фактам, и все сразу встало на свои места.

Русский язык — не родной для автора, однако же, насколько я могу судить, он пишет именно на русском, не прибегая к помощи переводчиков. И что удивительно, этот минус становится его плюсом. Короткие, но емкие фразы превращают его текст в нечто особенное, непривычное, завораживающее.

Наверное, вы уже знакомы с двумя первыми книгами Анхеля де Куатьэ и, может быть, ловили себя на мысли, что они непохожи на обычные прозаические произведения. Когда погружаешься в его текст, начинает казаться, что ты не просто читаешь книгу, а наблюдаешь, подглядываешь за происходящим. Нет, эти тексты вовсе не сценарии. Но, согласитесь, трудно отделаться от чувства, что перед тобой захватывающий фильм — рождается эффект присутствия, соучастия.

И вот еще одна поразительная особенность. Перед автором стоит сложная задача, по ряду причин он не может просто фиксировать события, да и сами эти события не всегда позволяют облечь себя в слово. Подчас автор говорит о вещах, которые и вовсе не выразимы в словах! Как же в такой ситуации донести до читателя смысл книги и суть произошедшего?!

Давайте задумаемся. Каждая книга Анхеля де Куатьэ продолжает предыдущую, но вместе с тем они очень отличаются друг от друга. В «Схимнике» рассказ был похож на остросюжетную, почти приключенческую историю. «Всю жизнь ты ждала» напоминает роман с ярким сюжетом, где в центре — искренняя любовь. А сейчас — при прочтении «Возьми с собой плеть» — перед вашими глазами развернется настоящая психологическая драма.

Этот калейдоскоп жанров в рамках одного, общего для этих книг сюжета сам по себе потрясает воображение.

Но возникает вопрос: зачем, ради чего автор идет на подобные ухищрения? Мне кажется, теперь я знаю ответ. Автор ищет способ пробудить в читателе определенные чувства. Ведь именно эти чувства необходимы нам для истинного прочтения его текстов, именно они являются ключом к пониманию скрытого в них смысла. Так, трепетно и искренне заботясь о своем читателе, автор доносит до нас сокровенное знание, открывшееся его взору. Не проронив ни капли, он передает его нам, словно причастие, но не из уст в уста, а от души к душе.

В предыдущей книге Анхель де Куатьэ объяснил, почему он не может озвучить текст самих Скрижалей. Прежде должны быть найдены все семь истин. Но я абсолютно уверен — смысл, заключенный в Скрижалях Завета, благодаря книгам Анхеля де Куатьэ, уже сейчас непременно откроется тем, чье сердце умеет слышать.

И правда, если наш разум ищет знания, а наша душа готова к настоящей любви, нам не нужны слова. Они ничем не смогут нам помочь, напротив, они лишь помешают, порвут хрупкую ткань ощущения жизни. Чтобы не сбиться с пути и не ошибиться в выборе, достаточно просто быть честным с самим собой и дать дорогу своему внутреннему свету, довериться ему.

Уже сегодня я отправляю в типографию третью книгу Анхеля де Куатьэ — «Возьми с собой плеть». До последнего дня я ждал, надеялся — вдруг появится четвертая рукопись, и я смогу рассказать об этом уже сейчас. Но, к моему великому сожалению, пока я нахожусь в состоянии тревожного ожидания. Кто знает, быть может, третья Скрижаль Завета уже найдена? А может быть, и нет. Кто знает...

Мне же остается лишь позавидовать тем, кто сегодня впервые откроет для себя эту книгу.

Издатель

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последующий рассказ я должен предварить серьезным разговором о том, что индейцы навахо называют «точкой сборки».

Окружающий нас мир иллюзорен. Кто подтвердит, что предмет, кажущийся нам твердым, в действительности твердый? Мы думаем о геометрии пространства, но с чего мы взяли, что пространство вообще строится по законам геометрии? Почему мы измеряем время последовательностью событий, и в этом ли суть времени?

Материальный мир, состоящий из физических предметов, по большому счету — блеф, картинка, нарисованная нашим мозгом. Мир вокруг нас, конечно же, существует. Но то, что мы видим, это только одна из версий подлинного мира. Это версия истины, созданная нашим сознанием, нашими органами чувств.

Не секрет, что шаманы и колдуны пользуются разными специальными ритуалами. Но зачем им эти ритуалы, заклинания и молитвы? Дело в том, что обычный человек не способен выйти за границы *своего* мира, он — его узник. А духовные техники позволяют шаману подняться над своей ограниченностью и увидеть большее.

Конечно, никакая техника не откроет нам путь к Истине — это было бы слишком просто. Но зато она дает возможность передвигаться *сквозь* пласты реальности и таким образом получить многомерное изображение. Не идеальное, но все же значительно более близкое к истинному положению вещей.

Как это происходит? У каждого из нас есть то, что шаманы называют «точкой сборки». Эта «точка сборки» удерживает нас в границах нашего мира и спасает таким образом от безумия. Если бы мы восприняли мир в его подлинности, то поняли бы, что у него нет центра. Не всякая психика способна пережить это откровение.

Истинный мир — это поток, процесс, движение. «Точка сборки» дает нам определенность. Она — якорь, который держит нас в центре нашего мира. Если сместить «точку сборки», сдвинуть ее, то мы увидим тот же самый мир, но с другого ракурса, другим. Шаманы искусны в этом «фокусе» — смещении «точки сборки».

Наш мир — это проекция мира из нашей личной «точки сборки». Но представьте себе, как этот мир воспринимается камнем, деревом или, например, птицей? Шаманы способны сделать это. И если вы спросите мастера, умеющего смещать свою «точку сборки», он скажет вам: этим существам дана одна и та же реальность, но они видят ее по-разному.

А Мир тем временем продолжает стоять по ту сторону восприятия, никем не признанный, но лишь угадываемый. Наш личный мир иллюзорен, но он же и реален. Наше видение ошибочно, но оно же и видение правды. Об этом скажет любой шаман, переживший опыт многократных и часто очень рискованных смещений своей «точки сборки».

Теперь я объясню, к чему весь этот разговор.

Сейчас я должен рассказать о том, как мы с Данилой искали вторую Скрижаль Завета. Но я не могу этого сделать, и причины как раз в «точке сборки». Во-первых, мне пришлось воспользоваться шаманской техникой смещения «точки сборки», а рассказать об этом в обычном повествовании почти невозможно.

Во-вторых, мы с Данилой не сошлись во мнениях. Он увидел происходящее в одном свете, а я — в другом. Мы словно бы стали свидетелями двух разных событий. Умом я понимаю позицию Данилы, но я так не чувствую. Он, в свою очередь, принимает мои доводы, но не видит ситуацию так, как я ее вижу.

Кто из нас прав? Мы оба правы, но у нас получаются две разные истории об одном и том же. Какую из них рассказать?.. Я спрашиваю себя и одновременно с этим понимаю: человек, читающий эту книгу, составит свое мнение о произошедшем. В его голове сложится своя картинка, ведь у него — его личная «точка сборки».

Сначала я испугался, мне показалось, что таким образом Тьма просто дурачит нас. Неопределенность вызывает страх, а страх — это Ее вотчина. Он требует бегства, предлагает легкий путь, который просто не может быть правильным. Но затем я понял — ничего подобного! Мы лишь столкнулись с действием Закона: видимый мир иллюзорен, но вы видите реальный мир.

И вместе с тем, уже даже зная вторую Скрижаль, я не находил в себе сил сесть за написание этой книги. Как рассказать о том, что нельзя произнести вслух или написать? Как донести смысл этой скрижали, если сам ее текст должен оставаться скрытым? Эти вопросы сводили меня с ума.

Три дня мучений закончились осознанием — есть простое и единственно правильное решение. Я расскажу эту историю безлично. Мы с Данилой будем присутствовать в ней как персонажи, действующие лица. Читатель увидит ее со стороны, и, если его сердце способно чувствовать, если его сознание способно противостоять страху, и главное — если он действительно хочет, тайна второй Скрижали откроется его внутреннему взору.

Знаю твои дела, и скорбь, и нищету, — впрочем ты богат, — и злословие от тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы, но — сборище сатанинское.

Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть. Вот, дьявол будет свергать из среды вас в темницу, чтоб искусить вас, и будете иметь скорбь дней десять. Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни.

Имеющий ухо слышать да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающий не потерпит вреда от второй смерти.

*Откровение святого
Иоанна Богослова,
2:9-11*

ПРОЛОГ

Заратустре было тридцать лет, когда он покинул родину и поднялся в горы, чтобы насладиться там своим одиночеством. Мудрому не может быть скучно, ведь у него всегда есть достойный собеседник — он сам.

Но по прошествии десяти лет Заратустра пресытился своей мудростью, как пчела, собравшая слишком много меда. Счастье солнца — дарить свет, его счастье в тех, кому оно дарит себя. Не такой ли теперь должна быть жизнь Заратустры?

Да, теперь он спустится в долину и будет щедро дарить ученикам свое знание.

Так начался закат Заратустры.

В лесной чаще по дороге в город Заратустра повстречал святого старца.

— Ты проснулся, но зачем ты идешь к спящим? — спросил его старик.

— Я люблю людей, — ответил ему Заратустра.

— И я любил людей, Заратустра, — горько смеялся старец. — Но теперь я люблю Бога. Человек слишком несовершенен, чтобы любить его. Эта любовь убивает...

На том они расстались, а Заратустра подумал: «Возможно ли это! Этот святой не слышал еще, что Бог умер»

Скоро Заратустра был в городе, что лежал за лесом. Там он нашел множество народа, собравшегося на базарной площади. Люди эти ждали зрелища — плясуна на канате.

— Вы совершили путь от червя до человека, — обратился к ним Заратустра, — но многое в вас еще осталось от червя. Поистине, человек — это грязный поток. Надо быть морем, чтобы принять в себя грязный поток и не превратиться в болото. Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке!

Но увидел Заратустра, что не слышат люди слов его. Ледяным смехом смеялись они над Заратустрой. И в смехе этом звучала ненависть.

Тем временем акробат начал свое движение по канатной дороге над площадью. Все замерли. Уста толпы стали немymi, взор — неподвижным. Канатный плясун прошел уже половину пути и был в самом центре над толпой, когда на канате вдруг появился пестро одетый паяц:

— Куда ты собрался, набеленная рожа! — заорал он вслед канатному плясуну. — Человек, тебе легче быть в заточении, чем геройствовать! Зачем ты испытываешь судьбу?!

Сказав это, паяц догнал канатного плясуна и резким движением перепрыгнул через него. Натянутый над площадью трос дернулся, акробат потерял равновесие, бросил свой шест и сам еще быстрее, чем шест, полетел вниз, словно вихрь из рук и ног.

В смятении люди бежали в разные стороны, и только Заратустра оставался на месте. Рядом с ним и упало тело канатного плясуна. Мудрец встал на колени и приподнял его голову, истекавшую кровью.

— Дьявол поставил мне подножку, теперь тянет меня в преисподнюю... — прошептали губы умирающего. — Заратустра, ты пришел спасти мою душу?..

— Нет ничего, о чем говоришь ты, — ответил ему Заратустра, — ни смерти, ни дьявола. Твоя душа умрет прежде, чем умрет твое тело. Ты гибнешь от своего ремесла, за это я похороню тебя своими руками.

Умирающий ничего не ответил, и лишь в движении его уст читалась благодарность.

Наступила ночь, базарная площадь скрылась во мраке.

«Поистине, прекрасный улов был сегодня у Заратустры. Он не поймал человека, зато он поймал труп. Сам Заратустра сейчас нечто среднее между безумцем и трупом, ибо хочет он учить людей смыслу их бытия», — сказав это в сердце своем, Заратустра взвалил труп канатного плясуна на спину и отправился в путь.

Целую ночь шел Заратустра по темному лесу. К утру он устал, лег и заснул под вековым дубом. А проснувшись в полдень, так говорил Заратустра в своем сердце:

«Не трупы нужны мне, а последователи, которые идут за мной, потому что хотят следовать сами за

собой — и туда, куда я хочу!»

И собрал Заратустра избранных, и учил их, что человек — это нечто, что должно быть побеждено.

Но ученики спрашивали Заратустру:

— Разве же не следует нам любить ближнего своего?!

— Как?! — отвечал им Заратустра. — Вы же не любите еще самих себя!

И снова появился жестокий паяц, и снова говорил он Заратустре: «Мир, где царствует человек, отвратителен, о Заратустра! Здесь великие мысли кипятятся живьем и развариваются на маленькие! Здесь разлагаются великие чувства! Души здесь — словно грязные тряпки! Берегись Заратустра: мир человека — это ад!»

Понял Заратустра, что настал час его заката. Люди верят в добро и зло, но не знают они ни добра, ни зла. Ищут они знания, а находят проповеди безумных. Воистину, человек — есть нечто, что должно быть побеждено! И только Заратустра знает, как убить в себе человека, и поэтому ему надлежит стать первой жертвой.

Он остался совсем один и слушал теперь только свое сердце.

«Последний твой грех — сострадание!» — сказало оно Заратустре.

Так, по сути ничем оканчивается история Заратустры. И мы не знаем, что случилось с ним дальше. Мы не знаем и того, избавился ли он от своего «последнего греха». Мы знаем лишь, что его создатель — великий поэт и трагический мыслитель Фридрих Ницше действительно остался совсем один.

Последние годы своей жизни он провел в затворничестве, без учеников и без последователей, исполненный состраданием к своей доле. Никто так и не понял его слов, а сам он сошел с ума. Последние письма к своим прежним друзьям он подписывал страшным словом «Распятой».

Впрочем легенда о сверхчеловеке зажила своей жизнью, независимо от Фридриха Ницше. В разные периоды истории человечества ею пользовались и фашисты, и гуманисты. Почему? Верно оттого, что главное — это не идея и даже не учение, а то, что у человека на сердце.

Любую идею можно приладить к этому сердцу. Потому идеи и теории, по большому счету, не имеют значения. Человек и его сердце — вот, в чем подлинная истина, истина-загадка, истина-тайна. Однако же к этому потайному замку есть ключ...

Сердце человека бьется, а биение сердца это поступок. Этому оно учит тех, кто готов учиться...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Завтра Илье исполнится тридцать.

Сегодня ему еще двадцать девять, так что пока он молод.

Но уже через двадцать четыре часа он — старик.

Магия цифр или магия жизни?

До сих пор ты шел вверх, теперь ты начинаешь свой путь вниз.

Середина жизни — время подведения итогов.

Лучшая половина жизни прожита, теперь тебя ждут седые виски, морщины, болезни и, наконец, смерть.

Приготовься, осталось совсем чуть-чуть.

Ты и не заметишь, как пролетят эти годы.

Еще тридцать лет, а дальше — всё, пустота...

Илья праздновал свои дни рождения до двадцати пяти лет. В двадцать шесть — не сложилось. В двадцать семь — почему-то не захотел. В двадцать восемь — уже собирался, но в самый последний момент передумал. В двадцать девять — категорически решил никак не отмечать, и весь день думал о том, что через год ему будет тридцать.

Кому-то покажется — что там тридцать лет, какая ерунда! Еще вся жизнь впереди! Но ведь у каждого своя жизнь... Кто-то к шестидесяти только вылезает из пеленок, а кто-то и в двадцать уже старик. Графа анкеты, где человек указывает свой возраст, самая двусмысленная. Впрочем, тридцать лет, как ни крути, рубежный срок.

В шестнадцать, едва получив паспорт, Илья уехал из родной Самары в Москву. Сам поступил в МГУ, правда на исторический, а не на юридический, как собирался. Но университетское образование — это университетское образование. Не важно на кого ты выучился, важно — кем ты теперь стал.

Годы были перестроечные. Горбачев вещал с трибуны про гласность, демократию и консенсус. Продовольствие исчезало с полок магазинов, словно бы у сахара и сосисок выросли ноги. Фарцовщики и валютчики стали уважаемыми людьми, «крышевание» и рэкет, а проще говоря, бандитизм — настоящими мужскими профессиями.

Преподаватели в университете поделились на два непримиримых лагеря. Одни продолжали

отстаивать свои марксистско-ленинские принципы, другие, ощутив свежий, будоражащий запах свободы, ложились под танки на Смоленской набережной у Белого дома и обороняли Останкино.

Короче говоря, начиналась новая жизнь, о которой еще ничего не было известно.

— Илья, впереди смута и гражданская война. Не то, что в семнадцатом, но ведь форма не меняет сути, — говорил Илье его научный руководитель — старый профессор, отсидевший семь лет в сталинских лагерях. — Когда я был врагом народа, народ был врагом самому себе. Сейчас все повторится, но будет иначе.

— В каком смысле? — не понял Илья.

— Наличие идеологии так же плохо, как и ее отсутствие. Еще пара лет и она канет в Лету. Трудно предугадать последствия, но одно можно сказать точно: каждый окажется перед неразрешимой задачей. Он будет спрашивать себя: «Зачем я живу?» И ответом ему будет молчание. Вашему поколению суждено знать, что такое цель. Но вы не будете понимать, в чем ее смысл.

Тогда Илья так и не понял своего учителя. И только теперь, когда прошли годы, он вдруг буквально кожей прочувствовал значение этих слов.

Цель у Ильи появилась быстро — он хотел доказать всем, что зарабатывать можно не только мышцами и грубой физической силой, но и головой. Когда началась приватизация, он организовал небольшую контору, скооперировался с двумя крупными бандитскими группировками и за бесценок скупил акции нескольких предприятий, которые затем быстро перепродал иностранному инвестору.

Потом пришлось улаживать дела с «компаньонами». Илья смог перетянуть на свою сторону обе бандитские группировки, при этом рассорив их между собой. Скоро и те и другие были уверены, что в череде состоявшихся сделок одна из них обманула другую. Ребята стали разбираться стенка на стенку. Несколько заказных убийств решили дело, а Илья благополучно освободил свой «начальный капитал» от ненужных ему обременений.

Потом он очень удачно поучаствовал сразу в нескольких муниципальных выборах и получил фору на рынке недвижимости. Теперь капитал Ильи вырос в несколько раз, что позволило ему открыть свой банк, который активно существовал на рынке до кризиса 98 года. За месяц до дефолта Илья успел вывести средства из бумаг государственного займа и не просто сохранил свой капитал, но еще и обогатился на кризисе.

Мечта сбылась — у него было столько денег, сколько не потратишь и за всю жизнь. Теперь, когда он был обеспечен, можно было заняться проектами, которые казались ему интересными. Впрочем, чем дальше, тем больше в Илье нарастало внутреннее сопротивление. Он уже не хотел заниматься бизнесом. Себе и всем он все уже доказал: деньги можно зарабатывать мозгами, его мозгами...

Тогда Илья и вспомнил слова своего учителя: «Вашему поколению суждено знать, что такое цель. Но вы не будете понимать, в чем ее смысл». Да, теперь, когда его цель была достигнута, он вдруг осознал, что в ней нет никакого смысла. Если ты хочешь что-то доказать, ты уже знаешь, что это так. А тогда зачем доказывать? По сути, получается, что ты живешь не для себя, а для чужого мнения. Проще говоря, ты умираешь.

И вот, завтра ему исполняется тридцать лет, а впереди — пустота...

На телефонном пульте замигала красная кнопка.

— Илья Ильич, все уже собрались в зале заседаний, — сообщила секретарь. — Вы присоединитесь?

— Да, сейчас, — ответил Илья и продолжил свое медленное, бесцельное вращение в огромном кожаном кресле.

Надо было идти. Рекламное агентство, более-менее вменяемое, найденное им с таким трудом, наконец, подготовило план новой рекламной кампании. Разумеется, ничего выдающегося не предвидится. Но сейчас уже не до «выдающегося». Закончить бы дело, и на том спасибо. Надо было идти, а ноги отчаянно отказывались повиноваться.

Гигантским усилием воли Илья все-таки поднял себя из кресла и отправился на совещание. Он шел по длинному коридору офиса. За стеклянной стеной суетливо бегали сотрудники его фирмы. Заметив Илью, они вжимали голову в плечи: одни — для услужливого приветствия, другие, делая вид, что за работой они не заметили своего босса.

На Илью внезапно накатило невыносимое чувство чудовищной, щемящей тоски. «Человек — это звучит гордо!» — услышал он внутри своей головы. Почему он вспомнил сейчас эту заезженную фразу из горьковского «Дна»? «Да, „на дне" это звучит гордо!» — ответил сам себе Илья и расхохотался.

Глядя на смеющегося босса, подчиненные стали еще усерднее демонстрировать ему свое дружелюбие и увлеченность работой. Выглядело это настолько наигранно, театрально и пошло, что Илью даже затошнило: «Реальное „на дне"! Даже к Горькому не ходи...»

Илье вдруг захотелось крикнуть: «Дальше дна падать некуда, дамы и господа! Зачем же так унижаться?! Все, точка абсолютного нуля пройдена!» Но он сдержался.

Начальник может позволить себе кричать всё что угодно. Впрочем, подчиненные и так считают его самодуром и сволочью. Так что — кричи не кричи — докричаться невозможно. Да и что он, вообще, может им сказать? Будьте людьми?!

Всё пустое...

Илья вошел в зал для совещаний. Начальники отделов повскакивали со своих мест, как пластмассовые неваляшки, и загалдели. «Радужные» приветствия перемежались в этом шуме с поздравлениями: «С наступающим днем рождения, Илья Ильич!»

— Здравствуйте, здравствуйте! Спасибо! — оборвал их Илья и прошел на свое место во главе длинного стола. — Кто будет докладывать?

— Иван Рубинштейн! — представился молодой человек, директор рекламного агентства.

Илья мысленно улыбнулся: «Иван Рубинштейн — это сильно!»

— Начинайте, и покороче, — скомандовал Илья и устался в окно, чтобы не видеть трясущегося как осиновый лист докладчика.

Потянулись долгие, бессмысленные выкладки, содержавшие в себе характеристики потенциального потребителя, фирм-конкурентов, ценовых диапазонов, возможных маркетинговых стратегий и т. п.

— Вы перейдете к делу когда-нибудь? — спросил Илья на десятой минуте К делу? — переспросил Иван Рубинштейн.

— К нему родимому, к нему! — сорвался Илья.

Несчастный юноша задрожал еще сильнее и, заикаясь, принялся излагать основные пункты представляемой им рекламной кампании с бюджетом в три с половиной миллионов долларов.

На большом, в полстены, экране замелькали какие-то графики, схемы, потом варианты логотипов, упаковок, рекламные материалы — проспекты, плакаты и т. п. Илья разлегся на столе, подпер голову руками и стал зевать.

— Поскольку мы обращаемся к человеку, апеллируем к значимым для него ценностям, а вся линия товаров призвана подчеркнуть значение его личности, примат его интересов и желаний, поощряет его чувство достоинства и самоуважения, основным слоганом или, если угодно, даже девизом рекламной кампании может стать хорошо узнаваемая и, вместе с тем, звучащая совсем по-новому фраза «Человек — это звучит гордо!».

— Что?! — Илье на миг показалось, что он ослышался. — Что вы сказали?!

Совпадение казалось странным, даже нереальным — только что Илья думал над этой фразой! Она совершенно случайно всплыла в его сознании и даже вывела его из себя. По чему о своей гордости и чести человек вспоминает только «на дне»?! Почему именно в миг падения, когда надо рвать на себе волосы и сгорать со стыда, ощущая собственную ничтожность.

Всего четверть часа назад, глядя на заискивающих перед ним работников, Илья думал об этих словах Горького как об исключительной глупости и величайшем парадоксе. Только что его трясло от мысли, что люди не видят, не сознают своей низости и не понимают всего ужаса своего положения. А теперь, вдруг, ни с того ни с сего, эта фраза предлагается ему в качестве слогана его рекламной кампании! Не может быть...

Это странно, действительно странно. Человек гордится не своими достижениями, не плодами своего труда, не своими поступками, наконец, а тем просто, что он человек. Но ведь это же абсурд, нелепость! Почему бы в таком случае и червю не воскликнуть: «Червь — это звучит гордо!»

— Чем вы гордитесь?! Тем, что вас про- ,извели на свет человеком?! В чем здесь ваша заслуга?!

— Я понимаю, — докладчика била мелкая дрожь, — что мы рекламируем не человека, а линию товаров, но, по сути, это же товары для человека. Рекламирая человека, мы рекламируем товар.

— Рекламирая человека?.. — растерянно произнес или, вернее, даже прошептал Илья.

— Ну, в смысле...

— Гениально! Это просто гениально! Вы решили за мои деньги рекламировать человека?! Я вас правильно услышал?!

— Ну, мы... Я...

— Я не собираюсь рекламировать дерьмо! — с каждой секундой Илья распался все сильнее и сильнее. — Вы меня поняли?! Я понятно выражаюсь?! Нет, наверное, непонятно! Сейчас будет понятнее! Я лучше буду рекламировать дерьмо, чем *то*, что вы мне предлагаете! Слышите вы меня?!

Включите свои мозги хотя бы на пару секунд, Иван Рубинштейн! Чем вы всю жизнь занимаетесь? Вы — директор рекламного агентства?! Вы дурите и «парите» то, что сейчас, вдруг, с какого-то перепугу, собирались рекламировать! Вы же должны быть специалистом по их разводке, черт бы вас побрал! Что?! Что, я вас спрашиваю, звучит гордо?!

Несчастный директор рекламного агентства приобрел необыкновенное сходство с раздавленным

дождевым червем.

«Черт, почему я живу среди таких кретинов?!» — гулким эхом прокатилось в голове Ильи.

— Человек — это звучит гордо! — продолжил он вслух, передразнивая Ивана. — Вы что, действительно так думаете?!

— Не важно, что я думаю. Мы выполняем требования заказчика, — пролепетал тот.

— То есть вы не думаете, что человек — звучит гордо?! — Илью несло, он не мог остановиться.

— Если я вынужден говорить это по желанию заказчика, а я человек, то... — молодой человек, казалось, окончательно растерялся.

— То уже не звучит?! — продолжил его мысль Илья. — Так зачем вы тогда говорите?!

— Потому что вы хотите это услышать, — перепуганный, едва живой Рубинштейн вдруг подал признаки жизни.

— Да откуда вам знать, что я хочу услышать, а что нет?!

— А вы знаете, что вы хотите услышать? — глаза Ивана перестали растерянно бегать из стороны в сторону и остановились.

— То, что я живу среди отчаянных кретинов заорал Илья.

— Вы живете среди отчаянных кретинов, Иван поднял глаза и посмотрел на Илью.

— Да !

— Это я вам говорю: «Вы живете среди отчаянных кретинов», — отчеканил Иван, произнося при этом каждое свое слово почти шепотом.

— И что?! — Илья вдруг стушевался.

— Этим кретином вы собрались продать свою продукцию, потому что вам нужны их деньги.

— Ну и...

— Ну так давайте скажем им: «Вы не кретины, вы — люди. А человек — это звучит гордо», — сказав это, Иван вытер испарину, покрывшую его лоб, и сел на свое место. — Если вы собрались лгать — лгите по-крупному, а если вам дорога ваша правда, то не лгите. Уйдите и не мучайте никого.

Да, вы живете среди кретинов. Вот я — хороший пример. Сижу, выдумываю эту галиматью. Боюсь, что она вам не понравится, боюсь, что останусь без работы, что все будут на меня плевать. Боюсь, что жена скажет мне: «Ты — неудачник!» Боюсь, что родители скажут: «А мы тебя предупреждали...»

Да, я боюсь! Сижу, боюсь и пишу: «Человек — это звучит гордо!» А что вы прикажете мне писать?! Что все — козлы?! Но ведь все друг о друге так и думают: себя считают самыми умными, а других — козлами. Вот и получается, что все козлы в квадрате. И что? Что делать-то?..

Казалось, еще секунду, и Иван или расплчется, или упадет в обморок. Илья почти заворуженно смотрел на этого юношу, испуганного собственной смелостью. Он верно и сам не ожидал от себя такой тирады. Еще бы — человек, которому он все это сказал, в последние годы не слышал «Нет!» даже от руководителей министерств.

Подчиненные Ильи сидели в оцепенении и испуганно хлопали глазами.

— Захарьин, прими у него проект, — тихо сказал Илья и направился к выходу. — Начинайте работать.

У двери он остановился, обернулся и подошел к Ивану. Обвел немигающими глазами сидевшую в креслах публику, наклонился к уху Ивана Рубинштейна, в гробовой тишине зала произнес: «Только не обосрись».

Илья вышел на улицу и сел на заднее сидение своего автомобиля.

«В загородный дом!» — сказал он водителю.

По пути к машине Илья выключил свой телефон.

Сегодня он уже больше никого не хотел слышать.

Уехать, скрыться ото всех — самое лучшее решение.

«Но почему так беспокойно на душе? — Илье казалось, что сейчас, сегодня в его жизни

должно что-то случиться. — Нет, ерунда!

Просто он боится своего тридцатилетия.

Предрассудок, глупость. Все будет нормально». Он вдруг почувствовал сбивающееся с ритма биение своего сердца, шум в ушах и странную боль в голове.

Когда он начал ненавидеть людей?» — эта мысль, заметалась в голове Ильи, как попавший в силки дикий зверек. Запутываясь, увязая с каждым движением все больше, она истово пыталась освободиться. Если он найдет ответ, если он определит этот поворотный пункт, быть может, он почувствует себя легче?

Так когда же он начал ненавидеть людей? Может быть, в школе? Да, может быть. От природы щуплый, Илья стал на какое-то время излюбленной «жертвой» группы школьных хулиганов. Они приставали к нему во время перемен, поджидали после уроков. Крали его вещи, издевались, били.

Но, впрочем, нет. Илья тогда справился. Главное в таких ситуациях не показать, что ты сломлен, что ты сдался. И он не показывал, хотя и очень боялся. Иногда даже прогуливал школу или прятался в пустых классах, только бы не встретиться с этими подонками. Да, их он ненавидел всем своим существом. Но именно их, а не *всех*.

Когда же, если не в школе? Быть может, с началом его бизнеса? Люди, с которыми ему приходилось иметь дело, право, стоили того, чтобы их ненавидеть. Если ты не сомневаешься в правильности своих поступков, это верный признак отчаянной глупости. А если при этом ты еще и делаешь отчаянные глупости ...

Впрочем, нет, не то. Илья испытывал к этим людям презрение, а не ненависть. Он смотрел на эту «победившую мощь пролетариата» даже с каким-то сочувствием. Они оказывались заложниками своей глупости. Каждый платит за свои ошибки, и эти товарищи заплатили сполна. Рано или поздно жизнь все расставит на свои места.

Есть вариант, что чувство ненависти к человеку возникло у него, когда он начал ощущать на себе человеческую зависть. Так случилось, что она исходила и от его близких — друзей, знакомых, даже родных, и от совершенно незнакомых ему людей. Проблема не в том, что люди тебе завидуют, а в том, что им кажется, что они вправе тебе завидовать.

В принципе, основанием для зависти может быть успех одного и неуспех другого, но при прочих равных. То есть живут себе два одинаковых человека: у них одинаковые мозги, одинаковая внутренняя сила, но одному везет, а другому — нет. Что ж, можно завидовать. Но ведь такого не бывает. Успех сопутствует тем, кто этого достоин.

Да, завистники могли испортить дело. Это точно! Но, с другой стороны, куда им? Зависть унижает, свидетельствует о душевной слабости. Она — верный признак несостоятельности. Завистник самолично расписывается в том, что он недостоин твоего внимания. Ты отворачиваешься и смотришь в другую сторону, а там сильные люди — соперники.

Что ж, тогда соперники... Партнеры по бизнесу, конкуренты. В принципе, они должны вызывать уважение. Но ведь они боятся открытой борьбы, рукопашной. Справиться с ними легко — выходи в чисто поле с голыми руками и кричи благим матом: «Кто готов биться до последнего?! Выходи!» Через пару минут все сами сдадутся.

Иногда сознание собственной силы становится неприятным зрелищем. Ты знаешь, что они боятся, а они не знают о твоём страхе — если в этом вся хитрость, то смотреть на трусость противника унизительно. Победа частенько обесценивается тактикой ведения войны. Но есть ли другой способ побеждать?..

Напряжение в сознании Ильи росло с каждой минутой. Он перебирал варианты, напрягал память, сосредотачивался. Он надеялся отыскать тот миг, ту роковую для себя ситуацию, когда он вдруг возненавидел человека. Миг, когда он перестал сочувствовать, «входить в положение», опасаться сопротивления, ограничивать себя моралью и наигранным человеколюбием.

Совесь — удивительная штука. Она создает иллюзию, что мир не так плох, как о нем следовало бы думать. Совесь говорит человеку: «Ты плох!» И тебе сразу же кажется, что вся проблема в тебе. Ты начинаешь приглядываться, смотришь на себя с пристрастием, видишь скрытые от других свои слабости и изъяны. Разумеется, в такой ситуации ты кажешься себе плохим.

Но стоит переключить внимание, посмотреть вокруг, и ты понимаешь: окружающие тебя люди и их мир — вот, что по-настоящему ужасно! Ты видишь пороки там, куда ты смотришь, — смотришь внутрь себя и находишь их в себе, смотришь вокруг и находишь в других. Совесь заставляет тебя смотреть внутрь. Совесь делает тебя порочным. А ненависть — благородным. Да, это звучит странно, но это так. Именно так!

Когда же, когда он — Илья, «хороший Илья» — возненавидел человека?! Может быть, ощутив себя начальником? Когда понял, что может распоряжаться чужими судьбами, а сами эти судьбы хотят, чтобы ими распоряжались? Когда увидел, что его «наезд» не встречает никакого сопротивления? Когда осознал, что уважать в этих людях категорически нечего?

Да, он отвратителен со своими подчиненными. Да, он сознает это. Но ведь они позволяют ему быть таким! Своей агрессией, своим деспотизмом он пытается пробудить в них силу, спровоцировать их на действия. Но, видимо, ее в них просто нет. Нечего провоцировать! Невыносимое откровение! Его подчиненные мазохистски сносят все, и после выказывают какую-то странную, необъяснимую, тоже мазохистскую благодарность.

Почему же Илья не прекратил все это? Если и так понятно, что они слабые, зачем пытаться провоцировать их на поступки и активные действия? Бессмысленно! Но Илья уже не мог остановиться. Его ненависть к своим безвольным, пассивным подчиненным превратилась в отчаянный, ничем не мотивированный натиск — до конца, по полной. Теперь он требовал от них безоговорочной капитуляции.

Упоение от унижения пресмыкающихся, холуйствующих субъектов, подавление всякого их

сопротивления — вот, что стало и целью, и высшим страданием Ильи! Его отчаяние — это агрессия раненого зверя, ощутившего полную, абсолютную, трагическую безысходность своего положения.

Существа под названием «человек» лишены какого-либо самоуважения, хоть какого-то собственного мнения и, кажется, самого желания думать! Они смотрят на Илью с ужасом и благоговейным трепетом. Они ведут себя так, словно бы от него, от его реакции на их действия зависит вся их жизнь. Но это не так! Их жизнь — это *их* жизнь.

Откуда же эта внутренняя ущербность у существа, имя которого «звучит гордо»?! Никто и ничто не препятствует и, главное — не может воспрепятствовать человеку! Если, конечно, есть этот человек!

Нет, ненависть возбуждают в Илье не персоналии, не конкретные люди. Не важно, кто они — завистники, недоброжелатели, конкуренты, подчиненные или случайные встречные-поперечные. Нет, он ненавидит просто человека!

Человек — это великое предательство, «облажавшийся» идол! Человек не оправдал ожиданий. За одно это Илья ненавидит все человеческое! Ущербный и самодовольный, пас сивный и слабый, но при этом мнящий себя центром вселенной — вот он, человек.

«Человек — есть мера всех вещей», — с ума сойти! Как же ничтожен должен быть этот мир, коли так!

Ощущение одиночества — трагического, неизбывного, непреодолимого, словно столб ледяной воды, — окатило Илью. Только вот внутреннего тепла, которым обычно согревается тело после такой экзекуции, не было.

Холод — внутри и снаружи. Пустота и холод.

Илья смотрел из затемненного окна своего новенького «лексуса» на людей, идущих по тротуарам московских улиц, на водителей и пассажиров других машин.

Куда они все спешат? Чем живут? О чем мечтают? Нет, их нельзя ненавидеть. Тот максимум, на который они вообще могут претендовать, — это чувство презрения. Слабые, нерешительные, с раздутой до небес самооценкой и мнимым чувством собственного достоинства. Их, может быть, жалко, но не более того. Но в Илье уже давно нет никакой жалости, нет даже презрения. В нем кипит ненависть — дикая, разрушительная, пожирающая его самого ненависть.

«Собраться, нужно собраться...» — Илья попытался призвать свою мысль к порядку. Он силился удержать ее в рамках, но она не слушалась, выскальзывала, уходила в сторону, повторяла саму себя. Он не мог сосредоточиться, ходил по кругу.

Когда же он стал ненавидеть человека?! Нужно понять тот момент, найти ключевой пункт, точку невозвращения. Не ту точку, с которой все началось, а ту, после которой движение назад, вспять, к любви и человечности стало для него невозможным. Стоп!!!

«У них же нет души!» — эта фраза, словно луч яркого света, ослепила Илью. В ней было больше, чем он подумал, больше, чем он мог бы сказать словами. Люди живут, подобно животным, не понимая, что их жизнь конечна. Да, в этом все дело! Они живут так, словно бы им суждено жить вечно! Они отрешиваются от смерти, делают вид будто бы не знают, что умрут. А ведь все они умрут, причем, очень скоро.

Все, с кем он сегодня встретился, все эти прохожие, что идут сейчас по улице, заходят в дома и магазины, едут в машинах, пьют чай на своих кухнях, все они скоро умрут. Спустя каких-нибудь пятьдесят-семьдесят лет все они составят дружную компанию на бескрайних просторах какого-нибудь уже сейчас активно перепахиваемого кладбища. Они все уже трупы!

Если бы у них была душа, если бы они осознавали конечность своего существования, то они просто не смогли бы жить так, как они живут. Они бы не стали унижаться, не тратили бы свою жизнь на пустяки, не говорили бы о ерунде, не пресмыкались бы ни перед кем и не кляли бы судьбу. Нет, они бы ничего этого не делали! Но их страх сильнее, чем их душа, страх требует от них, чтобы они бежали прочь от смерти, от самой мысли о смерти, и вот итог... Души нет.

Резкий удар по тормозам. Илью бросило на спинку переднего пассажирского сидения, словно набитую песком плюшевую игрушку. Ощущение столкновения, тень над капотом, сотни мелких трещин, побегов по лобовому стеклу, и грохот прокатившегося по крыше тела. Дикий скрип скользящих по дорожному покрытию шин, сработавшие мешки безопасности, истошный крик водителя. Тишина.

Голова раскалывалась от боли в левом виске, боль в груди мешала вдохнуть. Илья с трудом отпер дверь и выбрался наружу. Его машину развернуло почти на сто восемьдесят градусов прямо посреди Садового кольца.

Он оглянулся по сторонам — машины замедлили ход и аккуратно объезжали место аварии. Чуть сбоку, метрах в десяти-пятнадцати лежало тело молодого мужчины. Его ноги сложились неестественным

образом, руки раскинулись в стороны. Казалось, что он приготовился к полету и смотрел в небо.

Прихрамывая, Илья направился к пострадавшему. Еще совсем молодой — лет двадцать, может быть, двадцать два. Красивое, белое как полотно лицо, и застывшее на нем удивление — голубые, широко распахнутые глаза, напряженный изгиб бровей, полуоткрытый рот. Прежде белесые, коротко стриженные волосы стали багровыми от заливавшей их крови.

Илья опустил на колени и аккуратно приподнял его голову. По рукам струйками побежала теплая, вязкая кровь. Юноша слегка повернул глаза и встретился взглядом с Ильей.

— Что со мной?.. — прошептали его губы. — Я умираю?...

— Похоже на то, — ответил Илья.

— Как это не вовремя... — протянул юноша и улыбнулся. Он словно бы и не опечалился от этой новости, а просто досадовал.

— Да, наверное, — Илья вдруг поймал себя на мысли, что он всегда хотел видеть себя таким — светловолосым, голубоглазым, слегка курносим.

— Это ты меня убил, да? — в глазах молодого человека мелькнуло недоверие.

— Да, я, — Илья сглотнул слюну, чтобы растопить застрявший в горле ком.

— А почему плачешь?

— Я? Плачу? — Илья протер свои полные слез глаза. Он и забыл, как это бывает, когда плачешь. — Я не плачу.

— Да? — юноша снова посмотрел на Илью с недоверием. — А мне хочется плакать... Но не получается...

Голос молодого человека становился тихим и невнятным. Илью забила мелкая дрожь, окровавленные пальцы слиплись.

— Что за сволочь! — услышал он позади себя. — Это же надо! Полез под машину! Садовое кольцо решил перебежать! А подземные переходы для кого?! Идиот!

Это был водитель Ильи. Он только сейчас смог освободиться от выстреливших в него мешков безопасности и, держась за голову, подковылял к сбитой им. жертве ДТП.

Илья поднял глаза и смерил своего водителя взглядом.

— Заткнись, а? — процедил Илья сквозь зубы.

— Что с вами, Илья Ильич? Что с вами? — с другой стороны к нему бежали три охранника из машины сопровождения, он и забыл о них. — У вас все лицо в крови...

— Все заткнитесь! Скорую, немедленно! — Илья заорал так, что все обмерли.

— А ты меня обманул. Это он меня убил, да? — юноша перевел глаза с Ильи на подошедшего к ним водителя.

— Господи, да какое тебе дело?! — Илья тупо, непонимающе уставился на юношу.

— Лучше, что б ты... — лицо молодого человека вдруг обмякло, глаза закатились и остекленели. Это были его последние слова.

— Господи, ну что же это такое?! — Илья произнес эти слова с почти детским недоумением, словно напрямую спрашивал сейчас Небеса.

Он оглянулся и поймал на себе напряженные взгляды своих охранников и водителя.

«Что с ним?..» «Он в своем уме?..» — ему показалось, он услышал их мысли.

Черт! — Илья поднялся с коленей. — Разберитесь тут, я поехал.

Неуверенной походкой, на ватных от напряжения ногах он направился к джипу охраны. Водитель джипа обогнал его и приблизился к машине первым.

— Куда?! — заорал Илья.

Тот недоуменно уставился на него.

— Я сказал — разбирайтесь тут! — «пояснил» Илья.

— Но... — протянул водитель.

— К черту!

Выхватив у него ключи, Илья сел за руль. В этот момент обе задние дверцы открылись и в машину лихо заскочили два его охранника.

— Пошли вон!!! — закричал Илья.

— Но... — охранники переглянулись.

— Вон!!! — Илью затрясло.

Едва его охранники покинули машину, он выжал педаль газа. На скорости сто двадцать километров, обгоняя попутные машины, то и дело выскакивая на встречную полосу, Илья мчался прочь из Москвы.

Илья пытался привести себя в чувство, побороть странное, оглушившее его чувство протрации.

«Какие дурацкие совпадения!»

— думал Илья, петляя между машинами.

Сначала ему приходит в голову:

«Человек — это звучит гордо!»

*И эту фразу тут же озвучивает некий Иван Рубинштейн.
Через полчаса, глядя на прохожих, Илья думает: «Все они уже трупы!»
И тут же его водитель сбивает насмерть молодого парнишку.
Мурашки поползли по коже.
На секунду Илье показалось, что он не один в машине,
что его преследует что-то огромное, темное, тяжелое.
И ужасе он оглянулся и посмотрел на заднее сидение. Никого.
«Какая глупость! Просто совпадение!
Не может быть!»*

— Илья повторил эти слова вслух несколько раз.
Но утешительная мантра действия не возымела.

Машина Ильи выскочила на Рублевку.

По правую и левую руку от этой правительственной трассы раскинулся «рай» современного российского капитализма. Ущербные коттеджи, похожие на гигантские саркофаги.

Бесчисленные гаишники, охраняющие дорогу, словно кто-то лелеет надежду ее украсть. Если бы Илья не был ко всему этому привычен, то почувствовал бы сейчас, что сходит с ума. Такой сюрреалистической показалась ему вдруг эта картина.

«Дыхание смерти!» — услышал Илья в голове и машинально посмотрел на свои залитые кровью руки.

— Черт! — выругался он вслух. — Да что же это со мной происходит?!

Он попытался сосредоточиться и машинально сбавил скорость.

«Может быть, это Бог со мной разговаривает?» — шальная мысль, словно искра, мелькнула в его мозгу.

— Тьфу, ерунда какая-то... Бред... Илья припарковался на обочине, заглушил

мотор, откинул спинку сидения, положил руки за голову и закрыл глаза. Ему хотелось держать руки рядом с головой, так, чтобы он мог ее чувствовать. У него возникла странная фантазия, что если ее не придерживать, она может куда-нибудь укатиться.

Все его тело странным образом выкручивало. Трудно описать это ощущение. Кажется, будто бы твой скелет не помещается в отведенном ему теле: мышцы и связки — малы, кожи не хватает. Илья пытался потянуться, расслабиться, но все без толку. В голову полезли мысли о смерти и воспоминания о предпринятых им когда-то «поисках Бога».

Было время, когда Илья действительно *искал* Бога. В детстве, правда, он был совершенно уверен, что Бога нет и быть не может. Ему казалось странным, что кто-то верит в подобные небылицы. В старика, который сидит на облаках и следит за происходящим на земле.

«Он ведь тяжелый, а облака мягкие! Как Он может на них сидеть?!» — эта безукоризненная детская логика давала маленькому Илье ощущение силы и уверенности.

Потом начались трудности подросткового периода, и многое переменялось в Илье. Сам того не заметив, он вдруг начал молиться. Он словно бы разговаривал с кем-то там — наверху. Понимал, что ему не ответят, но он и не нуждался в ответе. Выслушают, прислушаются, поймут — и на том спасибо.

А еще он почему-то был абсолютно уверен тогда, что ему помогут. Послушают, поймут и помогут. Да, он просил о помощи, причем, словно бы не Бога просил, а какого-то своего «старшего товарища». Бог — это тот, кто не отказывает. Так, по крайней мере, Илья тогда чувствовал.

Он не выбирал себе ни веры, ни конфессии. Не из чего было выбирать. Православие только-только стало восстанавливаться — что уж говорить о других церквях! Впрочем, он и не чувствовал, что принадлежит к какой-то конкретной религии. У него были «личные отношения» с Богом, отношения, не требующие посредников или переводчиков. Тет-а-тет отношения.

Если бы его тогда спросили, верит ли он в Бога, то он бы, наверное, ответил, что не верит, а знает, что Он есть. Сейчас бы он оценил этот свой ответ как наивный и высокопарный, но тогда он так не думал. В сущности, забавная игра слов — «веришь» или «знаешь»... Он чувствовал, что *знает* — Бог есть. Ну, может быть, не Бог, а *Нечто* — что-то «почти как Бог».

Православие, к которому он тогда пристал, производило на Илью двойственное впечатление. Завораживающий гул колоколов на звоннице, золотые маковки церквей, заброшенные, полуразрушенные новгородские монастыри, тихие, умиротворяющие лики икон... Все это манило и трогало его сердце.

С другой стороны, неизменно смущали священники — пошлые, толстые, несмотря на хронический пост, глупые и самодовольные. Плюс к тому — нелепые обряды, пустые, лишённые всякого смысла проповеди, бестолковые книги о Христе. Все это ранило и разочаровывало Илью.

Еще его ужасно пугали мертвые слоганы: «спаси и сохрани», «помилуй нас», «смертью смерть поправ»... Все это напоминало коммунистическую риторику: «Аенин всегда живой», «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить», «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи».

Один раз Илья пошел на исповедь. Он сделал это, желая sobлюсти порядок, следовать всем

церковным канонам.

«Чем согрешил?» — спросил его батюшка. И только Илья собрался с силами, чтобы сказать что-то важное... Как вдруг заметил на себе слащавый взгляд исповедника. «Признавайся, минет тебе баба делала?» — спросил святой отец и улыбнулся, как алкоголик, вспомнивший о «зачащенной» им бутылке.

Второй «исповеди» в жизни Ильи не было.

Маятник его веры качался из стороны в сторону не один раз. Илья то верил в Бога, то не верил в Него. То признавал Христа и сострадал его мукам, то отказывался от Него и перечитывал евангелие от Матфея. То роковое для религии место, где Христос говорит: «Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» Фразу, после которой уже не может быть никакой веры, но только сомнения и скорбь.

Илья искал правды, ему недостаточно было тезиса: «Верующему не нужны доказательства, ибо у него есть его вера». У Ильи был опыт общения с Богом, опыт своей собственной молитвы и того сладостного чувства, которое сопровождало ее. «Но не могло ли быть, — спрашивал он себя, — что это чувство, эта радость — лишь самообман, самогипноз, чудотворная пустышка?»

Так ведь случается. Вот ты приезжаешь в какую-нибудь страну, в какой-нибудь «великий» или «вечный город» и осознаешь, что по его улицам ходили когда-то Леонардо да Винчи, Моцарт, Гёте, Шекспир. В душе возникает священный трепет, и ты уже не идешь, а шествуешь по мостовой. Но стоит тебе позабыть об этом — и трепет куда-то исчезает. Что же это за «чувство», если не самообман?

И почему православный священник считает себя более христианином, нежели католик или протестант? И в кого тогда верят мусульмане, иудеи, буддисты, кришнаиты? В кого? Если Бог — Бог, то не может быть разных вер, а тем более религий, воюющих друг с другом. Таким был его новый тезис, опять же безукоризненно логичный и снова пустой, словно зависший в воздухе надувной шар.

«Умри вовремя!» — и снова в голове Ильи этот голос.

— Господи, что же это такое?! — Илья подскочил на сидении, как солдат по боевой тревоге. — Откуда эта фраза? Это же из Заратустры...

В сознании снова всплыл образ только что умершего юноши, столь по-нищански отозвавшегося о своей смерти — «как это не вовремя». Илья тряхнул головой, пытаясь выкинуть из памяти это ужасное воспоминание.

Так говорил Заратустра» — книга, которая была у Ильи, как говорят в таких случаях, настольной. Она странным, почти мистическим образом сопутствовала его духовному поиску. Пережитые им кризисы: тревоги, отчаяние, разочарование, опустошенность — все было в ней. Не книга, а бесконечная игра. Загадочные метафоры, скрывающие в себе то ли любовь, то ли ненависть к человеку.

В последней части книги Заратустра собирает вокруг себя «великих людей» — царей и патриархов, святых и юродивых. Это его последняя экспедиция в область человеческого духа, в мир человеческой природы. Лет пять тому назад нечто подобное решил сделать и Илья. Уже обеспечив себя солидным состоянием, он отважился расставить все точки над «i» и в своих богоисканиях.

Сначала он стал посещать живущих ныне старцев — совершил не одно паломничество по монастырям и святым местам. Ныне здравствующие «святые», как он ни старался, не производили на него впечатление «людей божьих». Сумасшедших — может быть, но божьих — нет, при всем желании. Иногда они оказывались просто наивными, а иногда — откровенно глупыми.

Еще среди них отыскивались и явные шарлатаны. Последних вычислить было несложно. Если в течение первых десяти минут речь заходила о деньгах — его, Ильи, деньгах, — то такую встречу можно было не продолжать. Восстановление церковей — дело святое, но разве об этом должен думать *святой*?

Илья совсем отчаялся найти хоть что-то святое в религии. И тогда он решился провести свой последний экзамен — посмотреть на «первых лиц». Финансовые возможности Ильи открывали перед ним любые двери, в том числе и к «главным верующим».

Легче всего было встретиться с главой Русской православной церкви. Илья профинансировал проект какого-то фонда, который патронировался патриархом, и те «выписали» на банкет «первое лицо». Общение не было близким, но Илье этого вполне хватило. Он посмотрел, пригляделся, оценил взаимоотношения святейшего с его окружением и удалился из зала почетных собраний, никому ничего не сказав.

С Папой Римским встретиться было чуть сложнее — желающих значительно больше. Впрочем, было бы желание... Папа постоянно принимает какие-то делегации, Илье просто нужно было попасть в одну из них. Он и попал — посмотрел на Папу. Тот показался ему славным и даже забавным. Хитрые и умные глаза, наверное, очень похожие на глаза самого Ильи.

Оставалось съездить на Восток. Помощники, специально нанятые с этой целью, рассказали Илье некоторые подробности, после которых ехать к «духовным лидерам» мусульман ему расхотелось заблаговременно. А вот встреча с Далай-ламой показалась ему перспективной. Ожидания его не обманули.

Далай-лама откровенно признался ему, что является на своем посту «простым назначенцем». «Жребий выпал», — сказал он Илье — прямо, бесхитростно, и улыбнулся. Потом они немножко

поговорили о буддизме, о том, как его понимает «главный буддист». Никаких «откровений» Илья, конечно же, не услышал. Скоро разговор перешел на «общие темы» — политические, экономические, личные.

Далай-лама пожаловался Илье на свой вынужденный аскетизм, они поболтали о женщинах. А потом, во время трапезы, святейший несколько раз тонко и достаточно остро пошутил на эту тему. Короче говоря, общение вышло приятным и любопытным, но никакого Бога. Просто жизнь — простая и, по сути, скучная, хотя и очень закрученная по части ритуалов, иерархий и прочих формальностей.

Выводы, которые Илья сделал после всех этих встреч с руководителями церквей, были для него неутешительными. Но, как ни странно, они его успокоили. Перед его глазами прошла целая череда весьма неплохих менеджеров и управленцев, со всеми присущими им достоинствами и недостатками. «Дело превыше человека» — закон, удивительным образом объединяющий любого хорошего менеджера и любого успешного патриарха.

«Бог умер! — в голове Илья прозвучала очередная цитата из „Заратустры“. — Я ищу своего дела!»

— Ну что это за гадство! — Илья схватился за голову, пытаюсь поймать этот звук, словно ночного надоедливого комара. — Сначала Ваня Рубинштейн, потом этот пешеход, теперь голос в голове... Что дальше?!

Илья поправил водительское сидение, завел машину и тронулся с места.

— Надо поскорее добраться до дома, — приказал он самому себе и вцепился в руль обеими руками.

Оставалось ехать не больше десяти километров. Совсем чуть-чуть. Но Илья чувствовал, что он просто физически не в состоянии вести машину. Мысли навязчиво лезли в голову, превращаясь в настоящее месиво. Воспоминания стали неуправляемыми, сознание не работало, а мерцало. Машина запетляла по дороге, как если бы ее вел отчаянно пьяный водитель.

Гаишник, остановивший Илью всего через пару сотен метров, имел на то все основания.

Илья съехал на обочину. Сотрудник ГИБДД — пухлый, с красным лицом — подошел к машине со стороны водительской двери. Илья опустил стекло.

— Капитан Редько, — представился мужчина. — Ваши документы!

— Подвези меня, тут километров десять, — Илья посмотрел на гаишника усталыми, остекленевшими глазами. — Я тебе денег дам.

Служитель дорожного правопорядка смерил Илью взглядом и... согласился.

Илья вышел из машины и пересел на пассажирское сидение. Капитан наврал что-то по рации и залез на водительское место.

— А че это с тобой? — спросил он Илью с хохлятским акцентом. — Кровь на лбу?

— Да... В аварию попал, — Илье не хотелось развивать эту тему.

— Блин! — встрепнулся гаишник, ощутив, что его руки прилипли к рулю. — Че это?!

— «Че-че!» Кровь! Я же тебе говорю, — Илья посмотрел на гаишника, как удав на кролика. — В аварию я попал! Поехали, а?!

Гаишник еще раз недоверчиво смерил Илью взглядом, но решил в рамках своих должностных инструкций ничего не предпринимать. Илья указал дорогу. Уже через пять-шесть минут они свернули с Рублевки, проехали с километр и остановились у ворот загородного дома Ильи. Из будки выскочил охранник, Илью снова начала бить мелкая дрожь.

— Все, спасибо, — сказал Илья капитану, достал из бумажника несколько сто долларовых купюр и, не считая, сунул их ему в руку.

Илья вылез из машины и подал знак удивленному охраннику, чтобы тот принял у гаишника машину. Илья зашел на свой «приусадебный участок». Длинные выложенные камнем дорожки, высокие сосны, альпийские горки, беседки. В парке и около дома сутились люди — обслуживающий персонал.

Первым Илью заметил Сева — управляющий всего этого хозяйства. Исполнительный парень, простой, слегка глуповатый, он вполне устраивал Илью на том месте, которое занимал. Сева стремглав бросился к Илье. Видимо, ему уже сообщили о случившемся.

— Вы нормально себя чувствуете? — спросил он у Ильи с тревогой в голосе. — Не поранились? Это ваша кровь?

— Слушай, Сев, не суетись. Все нормально, — оборвал его Илья. — Попроси всех убраться...

— В смысле? — не понял Сева.

Илья обвел глазами парк, дом и повторил:

— Пусть все уходит. Объяви выходной. Никого не хочу видеть, вообще.

— Все? — Сева все еще не мог поверить своим ушам, подобных инструкций от хозяина он еще

никогда не получал.

— Все! — грохнул Илья и быстрым шагом направился к дому.

Ни с кем не здороваясь и ни на кого не обращая внимания, он прошел через гостиную на второй этаж. Затем в спальню, здесь скинул с себя одежду и открыл дверь в ванную комнату. Слегка обтерев кровь с рук и лба, он включил воду и лег ванну. Через мгновение вода в ней стала слегка розовой.

Ничего, сейчас он отлежится в теплой воде, придет в чувство. Тем временем все покинут дом, и он сможет побыть в полном одиночестве. Желание побыть одному — стало почти маниакальной идеей сегодня. Чтобы вокруг никого не было, чтобы никто его не раздражал. Это его дом — его крепость, его покой.

Он разогреет себе еду. Сам растопит камин, сядет у огня и, быть может, полистает какую-нибудь книгу. Очень хороший план — просто побыть одному, успокоиться, никого не видеть, ни о чем не думать. Просто наслаждаться моментом — сегодня последний день его молодости.

Вдруг у Ильи закружилась голова, а к горлу подступила горечь внезапной тошноты. Приятные фантазии мигом улетучились, он еле успел выскочить из ванной. Еще секунда, и он бы оказался в луже собственной рвоты.

«Ах вот оно что! — подумал Илья с облегчением, хотя сама по себе рвота ему никакого облегчения не принесла. — У меня просто сотрясение мозга! Фу, слава богу!»

Он необычайно обрадовался этой новости. Значит, голоса внутри его головы — просто результат физической травмы. Страх перед сумасшествием преследовал Илью с тех пор, как он узнал о безумии Фридриха Ницше. Так что сегодняшние слуховые галлюцинации его, мягко говоря, растревожили.

Илья вытерся полотенцем, накинул теплый халат и вышел из ванной комнаты. Он лег на кровать и пролежал какое-то время. Где-то через полчаса ему стало легче, он встал, вышел в коридор и тут же столкнулся с Севой.

— Ты что здесь делаешь? — удивился Илья.

— Дожидаюсь распоряжений, — ответил ему тот.

— Я уже отдал все распоряжения.

— В смысле? — не понял Сева.

— Что ты заладил: «в смысле», «в смысле»? Выходной у вас, не понятно? — Илья начал снова выходить из себя.

— И у меня?! — подобного поворота Сева никак не ожидал, кто-кто, а управляющий никогда не покидает дома.

— Да, Сева, да! Иди к черту на выходной! — заорал Илья.

Испуганный «управляющий» съежился и опрометью побежал вниз, на первый этаж.

— Остальные ушли уже? — крикнул Илья ему в след.

— Да, ушли, ушли, Илья Ильич, — отрапортовал Сева, замерев на секунду в самом конце лестницы.

— Ну, слава богу! Давай, пока! «Господи, какое счастье! — подумалось Илье вдруг. — Неужели один?!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Илья спустился в гостиную и прошел в кухню.

Там он сварил себе кофе, откупорил бутылку коньяка и сделал два бутерброда.

Поставил все это на поднос, вернулся в гостиную, разжег камин и лег на медвежью шкуру перед огнем.

Но обычно успокаивающий его треск поленьев на сей раз не навеял приятной истомы.

Кофе показался слишком терпким, коньяк был с непонятным и нехорошим привкусом.

Есть захотелось.

«Надо что-нибудь полистать», — решил Илья и вышел в библиотеку, расположенную в соседнем помещении.

На большом столе посредине комнаты лежали стопки книг. Несколько человек из университета, чьему мнению Илья доверял, регулярно подбирали для него книжные новинки.

Илья их просматривал — большую часть выбрасывал, и лишь некоторые отправлялись на полки его домашней библиотеки.

И взял со стола целую стопку книг и вернулся в гостиную. Усевшись перед камином, он стал перебирать их — сначала смотрел на оглавление, потом на аннотацию, затем пролистывал. Книжки, проходившие эту процедуру, одна за другой направлялись в огонь.

Вот какой-то роман про сошедшего с ума банковского клерка. Вот модная книжка, где сюжетом

становятся все «знаковые события времени», а проще говоря — то, что в течение последних лет муссировалось средствами массовой информации. Вот какая-то притча не о чем. Вот книга о здоровье и пище, которая, как считает автор, должна потребляться человеком в строгом соответствии с группой крови едока.

Огонь жадно облизывает страницы. Поднимающийся вверх горячий воздух кружит тонкие пластинки пепла. Очертания букв растворяются на глазах. Завораживающее зрелище...

Ритуал сожжения не оправдавших ожидания книг производил на Илью почти магическое действие. Сожжение «чужих мыслей», мыслей, которые казались ему пустыми, поверхностными, ложными, доставляло Илье странное удовольствие. Актом сожжения он словно бы заставлял умолкнуть эту лишнюю смысла и глубины человеческую речь.

Человек должен писать, если он пророк, если он настоящий мыслитель. В противном случае он должен читать, а не писать. Впрочем, Илья не был уверен, что чтение, пусть даже и очень умных книг, поможет такого рода писакам. И более того, он не верил, что кто-нибудь теперь вообще может написать что-то, хоть сколько-нибудь стоящее.

Но, на самом деле, где-то глубоко внутри себя Илья все еще мечтал найти книгу, которая бы заняла его ум, которая бы открыла ему что-то, о чем он прежде не знал и не думал. Книгу-откровение. Илья, сколько бы он ни хорохорился, сейчас, как никогда в своей жизни, нуждается в духовном сопровождении. Да, он разуверился в «истине», но ведь от этого он не стал желать ее меньше.

«Ницше — это дерево на горе, одинокое дерево, — на этой фразе в одной из книг Илья вдруг запылся. — Много таких гор, много таких деревьев в мире, где каждый только хочет быть, но никто не является тем, что он есть».

— Забавно, — произнес Илья в пустой зале, и звук его голоса срезонировал, отразившись от стен просторного помещения. — «Каждый только хочет быть, но никто не является тем, что он есть».

Сам того не заметив, Илья погрузился в чтение этой книги. Прежде неизвестный ему автор рассказывал о *Человеке*. Человек, как следовало из текста, это тот, кто избавил себя от страха смерти и потому освободился. Свобода от страха делает человека зрячим. Свободный от страха, он видит самого себя в истинном свете, и свет других открывается ему, если он свободен от страха.

«Замешана жизнь ваша на страхе, — говорил герой этой книги. — Слово дрожжевой грибок, поднимает он тесто жизни вашей. И что делать вам, не будь у вас страха? Нет у вас ощущения жизни, мыслящие, страх стал отдушиной вашей знайте же: ваша отдушина задушила вас!»

За каждым нашим поступком стоит страх, и это — страх смерти. Но мы не осознаем его и не замечаем этого. А ведь именно этот страх — страх смерти — мешает нам любить и быть искренними, именно из-за него мы не чувствуем себя хозяевами собственной жизни. Все, как бы, не по-настоящему, все, как бы, взаимно, все с оглядкой.

Страх парализует, страх обозляет, страх обессиливает, страх убивает.

«Стала смерть для вас стимулом к жизни — такова теперь ваша жизнь! И затерялась жизнь ваша при бегстве этом в иллюзию, ибо не ради жизни вы стали бояться, но во имя смерти! Смерть — только имя, прозвище страха вашего!»

Странные, парадоксальные мысли. А главное — вывод! Логика, сводившая эти тезисы воедино, приводила к странному и в чем-то даже смешному итогу. Тот, кто боится смерти, тот не живет. Если же он не живет, то он уже умер. Так чего же он теперь боится?..

«Но не может смерти бояться тот, кто уже умер! Однако же всегда вы только то делаете, что не можете делать! Потом вы сетуете! Конечно, ничего у вас не получится, ибо из ничего ничего не бывает! Такова ваша жизнь!»

— Безумие какое-то! — Илью охватила странная внутренняя паника.

Он закрыл книгу, секунду раздумывал и бросил ее в огонь.

Из прихожей донесся какой-то шум.

— Черт, кто там еще?! — выругался Илья.

— **Что** такое? Все вымерли?! — раздалось из прихожей под аккомпанемент разноголосого женского смеха. — Эй, где все?! Илья!

«Кирилл!» — сердце Ильи чуть не остановилось от подступившего к горлу, внезапного, почти животного страха.

Кого уж он никак не ожидал встретить сегодня — так это Кирилла. Они познакомились с ним еще в университете. И были друзьями, ну, или считались таковыми. Поскольку у Кирилла в принципе не было друзей, то, с учетом оговорок, его отношения с Ильей действительно можно было бы назвать дружескими. Так или иначе, но это были *особенные* отношения, которые с течением времени становились все более и более непростыми.

Окружающим Илья и Кирилл казались очень похожими друг на друга. Некоторые даже всерьез утверждали, что они — братья. Оба отличались умом, хваткой и жесткостью. Что-то странно общее было

в их способе принимать решения, в их поступках, образе мыслей. Они увлекались одними и теми же проблемами, читали одни и те же книги, у них были совместные дела и общие «правила игры».

Короче говоря, упражнение «найди десять отличий» — это не про них. Однако же отличия все-таки были. Илья знал, по крайней мере, о двух из них. Во-первых, Кирилл пользовался куда большим успехом у представительниц слабого пола. Во-вторых, он был настоящим подонком (причем, первое со вторым увязывалось здесь по принципу прямой зависимости). И это не для красного словца и не из-за предвзятости в оценке.

У Кирилла был уникальный дефект в чувстве самосохранения. Иногда таких людей называют «безбашенными», иногда — «сумасшедшими», иногда — просто «психами». Он был патологически бесстрашен: с удовольствием наблюдал за мучениями или унижением живых существ, без какого-либо внутреннего содрогания шел на любую мерзость. Маленькая, но показательная деталь: фильмы ужасов Кирилл смотрел не как все нормальные люди, а в необычайно приподнятом настроении, то и дело разражаясь неистовым смехом.

Сначала Илью подобное поведение Кирилла завораживало и даже восхищало. В этом странном, необъяснимом для него образе мысли и действия он видел некую сакральную исключительность Кирилла, его избранность. На протяжении всех пяти лет студенчества Илья, можно сказать, даже поклонялся своему другу.

Да, Илья хотел быть похожим на Кирилла. Конечно, он отчаянно это скрывал. Однажды, правда, признался ему в этом, чем вызвал в свой адрес поток унижительных оскорблений с его стороны. Впредь Илья зарекся рассказывать Кириллу о чем-либо, что тот впоследствии мог бы использовать против него.

Кирилл, как робот, лишенный всякой человечности, не понимал, что такое искренность и откровенность. Для него эти понятия были синонимом «слабости». Илья думал иначе. Чтобы быть открытым и искренним, Илье требовались огромные усилия. Так что подобные проявления человеческой натуры он считал проявлениями силы, а не слабости.

Впрочем, все это Илья понял слишком поздно. К этому моменту он уже представлял собой ту странную копию Кирилла, которая внешне была абсолютно похожа на оригинал, но внутри оказалась полной его противоположностью. Желание быть похожим на Кирилла сделало Илью тем, кем он стал. Его успех — это успех этой учебы у Кирилла.

Но чего же достиг Илья, пройдя этот курс? Он научился быть несчастным — успешным, но несчастным. А Кирилл... Кирилл втайне ненавидел Илью, ненавидел за то, что он был успешнее в делах и превзошел своего учителя. А в третьих... за то, что он был лучше и Кирилл был для Илья настоящим воплощением злого рока.

— Илюшенька, привет! — Кирилл, как всегда ухоженный, в роскошном костюме, появился в дверях гостиной.

Они не виделись уже четыре года, может быть, даже больше. На слегка постаревшем лице Кирилла красовалась прежняя белозубая улыбка. Над висками появились небольшие залысины, в остальном же он совершенно не изменился. Если бы Илья встречал его с закрытыми глазами, то смог бы без малейшей ошибки указать и еще на одну непрременную деталь любой встречи с Кириллом — наигранно, театрально раскинутые в стороны руки, специально приготовленные для «дружеских» объятий.

— Сегодня день воскресших из ада? — Илья не сдвинулся с места, продолжая сидеть на полу у камина.

— Ну, Илюшенька... — ни то укоризненно, ни то заискивающе пропел Кирилл.

Ах нет, понял, Дьявол по мою душу! Часто я сегодня чертей поминал... — Илья шутил, но лишь по форме, по сути же он говорил вполне серьезно.

Все существо Илья содрогалось — тряслось от мелкой, но иступленной дрожи. Тогда, четыре года назад, они расстались без ссоры и без скандала. Между ними вообще никогда не было активных ссор. Даже в самые плохие времена их ссора выражалась одним лишь расставанием — они переставали созваниваться и встречаться. Подробности самых разнообразных гнусностей и гадостей, которые в такие моменты Кирилл делал у Илья за спиной, Илья узнавал от общих знакомых.

Последний раз их «размолвка» произошла из-за женщины. Женщина, которая любила Илью и в которую решил страстно и пламенно влюбиться Кирилл. Именно «решил», ведь на самом деле никакой любви к Кате у Кирилла не было. Чувства, рожденные его уязвленным самолюбием, были лишь театральным представлением. Любовная драма, разыгранная Кириллом, окончилась печально.

Да, это был спектакль — от начала и до конца. Но, несмотря на это, страсти пылали в нем нешуточные. Такого количества и такого качества грязи, которое вылилось в те дни на Илью, не выливали на него даже самые отча янные его бизнес-конкуренты. И ведь вся загадка в том, что сам Илья так и не ответил Кате взаимностью. Причем, не ответил по глупости. И не просто по глупости, а по глупости, которую ему привил, которую воспитал в нем Кирилл.

Глядя на то, как Илья выстраивает свои отношения с женщинами, Кирилл говорил ему: «Читай „Заратустру“, дурак! Там тебе все про все написано. Идешь к женщине — возьми с собой плеть! А если она сама под тебя ложится, значит, ее надо бросить. Это неременное условие! Иначе ты унизишься и тогда перестанешь быть мужчиной. Перестанешь быть мужчиной — все потеряешь!»

(Книга из электронной библиотеки неПУТЬёвого сайта <http://ki-moscow.narod.ru>)

Тогда эта цитата из «Заратустры» изменила всю жизнь Ильи. Если люди таковы, как о них говорил герой Ницше, если общество таково, каким оно представало в этой книге, если, наконец, женщины таковы, как писал этот немец, то все тогда очень просто. Будь таким, как Кирилл, и у тебя все получится! Забудь о чувствах, иди к своей цели, «ищи своего дела» — и ты будешь на Олимпе!

С «плетью» все стало работать, все встало на свои места. Надо отдать Кириллу должное — его напутствия приносили желаемые плоды. Испытывая необъяснимое доверие к Кириллу, следуя всем его предписаниям, Илья, действительно, стал более удачливым мужчиной.

Он победил свое романтическое отношение к женщинам, и отношения с ними больше никогда не были для него проблемой. Он перестал тяготиться любовью, забыл о том, что такое неразделенное чувство и связанное с ним страдание.

Но в этот раз, в отношениях с Катей, все было по-другому. Катя любила Илью, любила по-настоящему, и поэтому «общие правила», о которых говорил Кирилл, с ней просто не срабатывали. Холодность Ильи не заводила и не разочаровывала эту девушку. Ей важно было любить, и она любила. В этой ее любви была такая душевная сила, такая внутренняя мощь, что всякие его уловки и игры обращались в ничто, словно бы проваливались сквозь какое-то сито.

Катя все терпела, все сносила — спокойно и ровно, без скандалов и истерик. Впрочем, даже и не скажешь, что она терпела и сносила, она просто не замечала этого. Она умела видеть глубже, а поэтому понимала, что все это наносное, ненастоящее. Она видела, понимала и считала самым главным то, что у Ильи было внутри, то, что он никому не показывал. Именно это *главное* в нем она и любила каждой толикой своей огромной, светлой, как солнце, души. Илья, загруженный до отказа инструкциями Кирилла, тогда этого так и не понял.

А Кирилл, напротив, все это заметил и оценил. Каково же было его негодование, когда он осознал: Катя — эта глубокая, чистая, сильная, настоящая женщина — любит не его, такого замечательного и превосходного, а Илью — этого неудачника, которого Кирилл всегда считал лишь слабой пародией на самого себя. Да, Илья оказался более удачлив в бизнесе, да, он был семи пядей во лбу. Кирилл отдавал себе в этом отчет. Но как человек, как мужчина — он, по его мнению, и в подметки ему не годился. А тут такая незадача!

Кирилл осаждал Катю, как ахейцы Троя. Но Троя не сдавалась, и ее драгоценность, ее красавица Елена — душа Кати — оставалась недоступной. Тогда-то Кирилл и использовал ход конем, ход «троянским конем». Его «лошадь» звали ложь.

На правах «друга» Ильи, Кирилл втерся в доверие к Кате. А потом открыл ей «страшную тайну»: Илья, на самом деле, любит Кирилла (и вообще, любит только мужчин). Кириллу, конечно, это неприятно, но что поделать?! Он же его друг, а все мы современные люди!

Так Катя исчезла из жизни Ильи. Просто пропала. Наверное, ей показалось неправильным докучать любимому человеку. Если он все равно не сможет ее полюбить, то зачем мучить и мучиться? Кирилл, разумеется, тоже остался ни с чем. Впрочем, ему и не нужна была Катя ему нужна была победа над Илей, и он получил желаемое.

— Какой большой домик! — наигранным, детским голосом просюсюкала длинноногая барышня, появившаяся вслед за Кириллом.

— Это твоя... — начал было Илья и тут же осекся, потому что вслед за первой девушкой тут же появилась вторая, третья, четвертая.

— Нет, дружок, — отеческим тоном ответил Кирилл и подсел к Илье, — это не жена. И эта то же, и эта... Это, Илюшенька, подарок тебе на день рождения!

Кровь бросилась Илье в голову. Кирилл явился поздравить его с наступающим тридцатилетием, а в качестве «подарка» приволок с собой десяток девиц из службы «эскорта» — дорогих проституток из модельных агентств.

— Слушай, давай я заплачу, только пусть они уедут, — шепнул Илья ему на ухо.

— Подарочки — неотдарочки! — расхохотался Кирилл.

— Но я не хочу! Слышишь, я никого не хочу сегодня видеть! — заорал на него Илья.

Ну ладно тебе! Будет, будет! Хорошие девочки. Сам выбирал, — Кирилл делал вид, что хочет успокоить Илью. Но Илья прекрасно понимал — у него другие, прямо противоположные цели.

— Слушай, чего ты хочешь? — спросил Илья, глядя Кириллу прямо в глаза.

Кирилл лишь улыбался, но его фальшивая улыбка не могла скрыть ни тревоги, ни растерянности, которые прятались за темнотой его карих глаз.

- Чего тебе от меня нужно, я спрашиваю?! — повторил Илья.
 — Порадовать тебя захотел, — ответил Кирилл и отвел взгляд.
 — «Порадовать меня»?! Не смеши! Это последнее, что бы ты хотел сделать в своей жизни, — Илья продолжал неотступно смотреть на Кирилла.
 — Тогда просто соскучился... — ответил тот.
 — Слушай, прекрати ваньку валять! Тебе деньги нужны? Сколько? — Илья готов был заплатить любую сумму, только бы проснуться завтра и думать об этом визите Кирилла как о страшном сне.
 Тем временем привезенные Кириллом девицы уже расположились в креслах и на диванах в гостиной.
 — Кокосику не желаете? — спросила одна из них, приблизившись к Илье на «интимное расстояние».
 Пошли вон отсюда! — Илья вскочил с пола и указал пришедшим на дверь.
 Дверь, как по заказу, открылась...
 — Все на пол! Руки за голову! — командовали люди в масках.

Ситуация с аварией на Садовом кольце получила неожиданное продолжение. Как оказалось, сегодня в районе Рублевки произошло убийство. Молоденькую девушку-модель нашли изнасилованной и убитой. причем как раз недалеко от того места, где на своем джипе в раздумьях припарковался Илья. Оперативным данным быстро дали ход — как никак ЧП на правительственной трассе. Быстро выехали на гаишника «со следами крови на руках». Тот незамедлительно показал, что часом раньше в указанном районе он остановил джип, за рулем которого находился мужчина «весь в крови». Мужчина объяснил, что попал в аварию, однако следов столкновения на машине, которую он вел, не было. Все складывалось как нельзя лучше...

- И**лья пытался понять, что происходит. Почему эти люди ворвались в его дом? По какому праву они надели на него наручники? Кто им позволил проводить обыск? Чего они хотят, и в чем его обвиняют? Тут он заметил подвозившего его гаишника. Правда, сейчас он выглядел как побитая собака.
 Эй, я тебя знаю! — крикнул Илья. — Что такое? Что происходит?
 Последовали достаточно скупые объяснения офицера, руководившего задержанием. Мол, Илья задерживается на основании оперативных данных по подозрению в изнасиловании и убийстве девушки.
 — Это ошибка! — орал Илья. — Я говорю вам, это ошибка! Я действительно попал в аварию! Дайте я позвоню, куда надо!
 — Телефон изъять! — скомандовал офицер, и его приказание было немедленно выполнено.
 — Вы не понимаете! Это ошибка! Я никого не убивал! Я действительно попал сегодня в аварию! — Илья не верил происходящему. — Проверьте, на мне была не та кровь!
 Но найденный у девушек кокаин не оставил Илье шансов для дальнейших препирательств со служителями закона. Всю компанию взяли под белые руки, посадили в милицейские машины и отвезли в отделение.
 Когда их загружали в машину, Илья повернулся к Кириллу:
 — Ты всегда приносил мне только несчастья. Жаль, что я понял это слишком поздно. Все твоя плеть...
 — Не разговаривать! — заорал человек в маске и силой запихнул Илью в машину.
 Илью, как подозреваемого, изолировали от остальных. Так что Кирилл оказался в другой машине. Последнее, что запомнил Илья — это его испуганный, бегающий взгляд. Никогда он еще не видел Кирилла таким.
 В отделении милиции, куда их доставили, Илья сразу потребовал адвоката:
 — Без адвоката разговаривать не буду! Вы у меня еще попляшете!
 Следователи, принявшие это дело, удалились посоветоваться. Подозреваемый был человеком известным и влиятельным, поэтому нужны были определенные меры предосторожности.
 Через полчаса Илье объявили, что ему будет предоставлен государственный адвокат.
 — Мне не нужен государственный адвокат! — заорал Илья.
 — А нам не нужно, чтобы вы ушли от ответственности! — ответил ему начальник местного отделения милиции. — Вы можете дать ему отвод...
 — Я дам ему отвод! — заорал Илья.
 — Это ваше право...
 — Тогда почему вы сразу не позволяете мне вызвать своего адвоката?!
 — Нам просто нужно время...
 — Вы что, рехнулись здесь все?! Вы вообще понимаете, кто я?!

— Если вы так уверены в своей невинности, и все именно так, как вы говорите, то защитить вас сможет даже ребенок, — офицер, казалось, сам был испуган своими действиями. — Конечно, на это уйдет время. Но войдите и в наше положение!

— В ваше положение... Когда будет ваш адвокат? — процедил Илья сквозь зубы.

— Понимаете, сейчас уже девятый час...

— Завтра?! — перспектива провести ночь в камере шокировала Илью.

Начальник отделения словно бы прочел его мысли:

— У вас будет отдельная камера. Не волнуйтесь, пожалуйста. Завтра же все решится.

— Нет, это просто невысказано! — заорал Илья.

Его растерянность, вызванная необычностью происходящего, абсурдностью ситуации, отступила на второй план. Гнев вырвался наружу. Илья вдруг ощутил себя беззащитным, беспомощным. Это разъярило его. Раздражение, которое он сейчас чувствовал, не шло ни в какое сравнение с тем, что он испытывал сегодня утром, перемалывая в себе свою ненависть к человеку.

Илья вдруг понял, причем внезапно: человек не так плох, как он о нем до сих пор думал. Дело в другом — мир плох! Бог плох!

Он плох тем, что Его нет, тем, что Он умер! И поэтому все люди — покойники! Да, поэтому! Они заложники обстоятельств, они ничего не могут. Они только следуют по пятам событий, которые создали для них другие люди. А сами эти «другие люди», в свою очередь, заложники других обстоятельств, других людей.

Илья вспомнил вдруг Ивана Рубинштейна, которого он мучил этим утром, потом мальчика, которого сбила его машина. Он вдруг увидел себя в этом ряду. А что если он тоже умрет, и так же глупо? Эта мысль заставила его содрогнуться.

Все складывалось сегодня настолько глупо... Зачем он отослал обслугу?! В доме никого не осталось. Охранника у ворот взяли как свидетеля для дачи показаний. Соответственно никто не сообщит его службе безопасности о случившемся. Секретарь знает, что он отключил телефон, поэтому его молчание не вызовет подозрений.

Завтра у него день рождения, и он сказал, что никого не хочет видеть, поэтому разыскивать его не будут. Ему самому не дают возможности связаться с внешним миром. Милиционеры вполне резонно опасаются, что Илья воспользуется своими связями и улизнет из их рук, повесив на органы очередного и такого звучного «глухаря».

«Сколько они будут разбираться? Не хотелось бы провести в камере свое тридцатилетие. Даже и в одиночной... А может быть, это сфабрикованное дело? Его решили подставить?! Нет, не может быть... — мысли крутились в его голове, как потревоженный пчелиный рой. — Все, успокойся. Никакого риска. Миллион свидетелей! Уже завтра все выяснится, и тебя отпустят. Вот уж тогда он вздует всех этих...»

Илья нервно заходил по камере — из угла в угол.

— Это какой-то ребус! — сказал он вслух. — Какой-то ребус... Случайное или необходимое... Ненормальный день.

Философская проблема случайного и необходимого всегда занимала Илью. Почему нечто случается? По некому всеобщему закону или по какой-то ни с чем не связанной случайности? В его голове имелись аргументы в пользу обоих тезисов. Но от ответа на этот вопрос зависела его вера... Если случайностей не бывает, то Бог есть. Если же все происходящее лишь сцепленные друг с другом случайности, то Бога нет.

У Ницше было свое решение этого парадокса, но Илья не вполне его понимал. Ницше сформулировал на этот счет теорию, которую назвал законом «вечного возвращения». Суть этой теории проста: нет случайности и нет необходимости, мир — это большое колесо, которое вращается вокруг своей оси. Соответственно на каждом новом витке все произошедшее в какой-то момент снова повторяется.

И если Ницше прав, если мириады событий, действительно, ходят по кругу, то Илья уже не однажды проводил ночь в этой камере... Что ж, если так, а сейчас он снова здесь, то значит, все нормально, бояться нечего. Это уже было, теперь он опять здесь, когда-нибудь это случится снова. Рядовое событие! Конечно, не самое приятное, но рядовое.

Самогипноз действовал, Илья постепенно успокаивался. Вскоре ему надоело ходить по камере, а благодаря ницшеанской теории вечного возвращения, он даже почувствовал себя в ней достаточно комфортно.

— Все это, конечно, очень странно, — сказал Илья самому себе. — Но почему-то стало легче...

Илья лег на матрас, положил руки под голову и заснул. Ему снился необычный сон. Он увидел себя идущим по дороге — бесконечной, вымощенной черным камнем. Перед ним, насколько хватало глаз,

лежала странная, ни на что не похожая пустыня.

«Где я?» — подумал Илья и огляделся.

Как доподлинно выглядит лунный или марсианский пейзаж, Илья не знал. Но если бы его попросили описать, как он себе его представляет, то он бы указал именно эти детали — мертвая земля, горные гряды и черное небо над головой.

Смушала только вымощенная камнем дорога, ведущая к гигантской скале на линии горизонта. Илья пригляделся. Нет, это не скала, это Башня — странная, даже пугающая Башня, отдаленно напоминающая старинный средневековый замок. Холодные, мерцающие огни освещали ее основание.

Кругом не было ни души, и только где-то далеко-далеко, в этих огнях, некое подобие жизни. Илья испытал внутреннее смятение: эта дорога звала его, но плохое, тягостное предчувствие, напротив, удерживало на месте.

— ИДИ КО МНЕ! — неведомый, сотрясающий землю рокот на мгновение оглушил Илью.
— ИДИ КО МНЕ!

Кто-то, живущий в Башне, звал его. Илья почувствовал, что не в силах сопротивляться этому голосу. Качнувшись, он против воли шагнул вперед.

— Постой! — раздалось сзади.

Илье захотелось обернуться. Но шея, словно залитая в бетонный воротник, не слушалась, ноги окоченели и, казалось, были готовы идти только вперед. Немыслимым усилием воли, напрягая каждый мускул своего тела, Илья полуповернулся, полуоткинулся назад.

Его глаза встретились с глазами незнакомца. На него смотрел высокий мужчина в черном сюртуке — черноволосый, смуглый, похожий ни то на латиноамериканца, ни то на индуса. Добрый, полный сочувствия взгляд незнакомца придал Илье силы.

— Тебе еще рано, у тебя еще есть дело, — сказал третий голос.

Илья напрягся еще сильнее, увеличил угол поворота и заметил второго человека, стоящего на дороге позади него.

Белокурый, с правильными чертами лица, одетый в белые одежды, он смотрел на Илью со странной, полной боли и сострадания улыбкой.

--Кто вы? — от напряжения Илья не мог произнести эти слова, лишь пошевелил губами.

— Мы пришли тебя задержать, — ответил незнакомец в черном.

— Кто вы? — Илье почему-то нужно было знать ответ на этот вопрос.

— Повернись к нам, — попросил человек в белом одеянии.

— Я не могу, — прошептал Илья.

— Просто ты думаешь, что у тебя есть тело. Но твоё тело — только иллюзия, оно смертно. Пойми это, и ты сможешь двигаться, — сказал человек с черными волосами.

Илья сосредоточился: «Я думаю, что у меня есть тело. Но оно смертно, следовательно — его нет. Все дело в моих мыслях, — Илья повторил про себя слова незнакомца. — Но что тогда я? Моя душа?!» И как только он подумал об этом, оживляющее тепло волной пробежало по его телу. Он освободился от сковавшего его спазма и повернулся.

— Вот видишь, это просто, — улыбнулся человек в длинном, черном сюртуке.

— Но кто вы? Где я? — выкрикнул Илья, как кричит иногда человек, только что снявший наушники, в которых звучала громкая музыка.

Он еще не понял, что уже свободен и может пользоваться своим телом, как ему заблагорассудится. Прежнее напряжение грудных мышц и голосовых связок превратило его вопрос в крик.

Два незнакомца переглянулись. Они словно бы спрашивали друг друга о чем-то.

— Илья, — начал белокурый человек, — меня зовут Данила, а это — Анхель.

Анхель едва заметно кивнул.

— Где я? Кто звал меня идти по этой дороге? — Илья вспомнил об ужасном, раскатистом голосе из башни, и снова напрягся.

— Это дорога к твоей смерти, — ответил Данила. — Самый конец пути...

— Но мне только тридцать! Почему я должен умирать?! — Илья испугался и не верил своим ушам.

— Ты совершил свою последнюю ошибку, — сказал Анхель и отвел взгляд.

— Что это значит?! Какою?!

— Каждая душа, — начал Анхель, — много раз проходит путь от рождения к смерти. Все мы приходим в этот мир равными, в первый раз никто не рождается мудрецом или пророком. Но в каждой новой жизни, допуская ошибки и исправляя их, мы очищаем свою душу. Мы становимся лучше, мы получаем больше возможностей и большую силу, мы движемся к Свету...

У тебя старая душа, Илья. Она прожила уже много жизней — сотни, а может быть, тысячи жизней. Все возможные ошибки уже были тобою допущены, и ты исправил их в своих прежних воплощениях. Осталась одна, самая страшная ошибка, и ты сделал ее. Тьма торопится отнять твою жизнь, Она не может позволить тебе исправить эту ошибку. Сейчас у Нее так много силы, что всякое

сопротивление Ей почти бессмысленно.

У Ильи похолодело внутри: «Господи, о чем говорит этот странный человек?!»

— ИДИ КО МНЕ! — и снова этот ужасный зовущий его голос.

Илья ощутил, как вдруг стало каменеть и поворачиваться в сторону Башни его «несуществующее» тело.

— Черт! — прошипел Илья.

— Смотри мне в глаза! — крикнул Данила.

Илья перехватил его взгляд, и напряжение в теле снова ослабло.

— Вы пугаете меня, — сказал Илья.

Послушай, Илья, — начал Данила. — Не важно, сколько у Тьмы силы, и есть ли *Она* вообще. Ты один на один со своей жизнью, и все зависит от твоего поступка, от твоей готовности быть верным самому себе. Поверь мне, не важно, одна у тебя жизнь или у тебя их сотни. Каждую надо проживать как единственную, как последнюю. В противном случае все бессмысленно.

— Но почему он говорит, что сопротивляться Тьме бесполезно? — спросил Илья, бросив взгляд на Анхеля.

— Я так не думаю... — протянул Данила.

— Так вы что, не согласны друг с другом?

— Да, мы не согласны, — ответил Данила.

Последовала долгая, тяжелая пауза. Все трое по очереди смотрели друг на друга. Илья переводил испуганный взгляд то на Анхеля, то на Данилу. Данила смотрел на Анхеля с какой-то внутренней решимостью. В глазах Анхеля читалось отчаяние, он выглядел почти сломленным. На Илью они оба смотрели с великой скорбью. Казалось, что в этот миг они решали для себя какой-то очень сложный вопрос.

«О чем они думают?!» — спрашивал себя Илья и не находил ответа.

Данила прервал воцарившееся молчание:

— «У нас нет на это времени, Анхель. В конце концов есть только один шанс. Даже если его нет... Давай скажем Илье, он вправе знать.

Анхель согласился, хотя было видно, что это далось ему с большим трудом.

— Илья, ты сегодня умрешь, — сказал Анхель.

— Умру?!

— Да, — подтвердил Анхель. — То, что я смог увидеть, не предполагает другого поворота событий. Критическая точка пройдена, пути назад нет. Впереди только смерть. Я думаю, что это известие сломает тебя. Но на тебе лежит миссия... Ты о ней не знаешь, но ты должен ее выполнить. И я боюсь, что если у тебя не будет личного интереса, а у тебя теперь его просто не может быть, ты не выполнишь своего предназначения...

Илью затрясло, он взглянул на Данилу. Данила оставался спокойным и, кажется, не был согласен со своим спутником.

— Мы создаем обстоятельства, заложниками которых оказываемся. Ты сам создал все те обстоятельства, которые и станут сегодня причиной твоей смерти. Поступи ты иначе хотя бы однажды, и все было бы по-другому. Но никто не знает последствий своих поступков. Не вини себя, сейчас тебе нужно думать о другом...

На Илью накатило отчаяние, он ощутил себя беспомощным, раздавленным, потерянным.

— Я не видел того, что видел Анхель, и не знаю, о какой критической точке он говорит, — продолжил Данила. — Но я доверяю ему и, признаюсь, не могу не верить его словам. С другой стороны, я думаю, что в любых обстоятельствах нужно сохранять верность себе. И пока у тебя есть возможность совершать поступки — ты должен действовать. Ошибка совершена, и надо ее исправлять, даже если тебе кажется, что время упущено и шансов уже нет. Надо попытаться...

— Господи, — Илье казалось, что сейчас он просто не выдержит, — но что за ошибка?! О чем вы говорите?! Почему я должен умереть?!!

Данила оборвал его:

— Слишком много вопросов, Илья. Давай по порядку и начистоту. Во-первых, что за ошибка? Ты помнишь последний грех Заратустры?

Илья напрягся:

— Сострадание...

— Что ты думаешь об этом?

На фоне происходящего этот вопрос показался Илье нелепым и даже глупым. Но он взял себя в руки и решил не противоречить этим странным людям:

— Что я думаю?.. Я думаю, что это последний шаг, который нужно сделать, чтобы преодолеть путь от человека к сверхчеловеку.

— Ты не ответил, — сказал Данила.

— Я не ответил... — Илья задумался. — До тех пор пока человек способен на сострадание, он находится среди других людей, в плену человеческого. Бог умер, но человек может стать сверхчеловеком, то есть по-настоящему высшим существом. Для этого он должен победить в себе человека.

Твоя ошибка, Илья, — продолжил Данила, — в твоей ненависти к человеку. Ты ненавидишь других людей, но ведь ты и сам — человек. Своим чувством ненависти ты разрушаешь не кого-то постороннего, а самого себя. Своими действиями и поступками ты создаешь обстоятельства, которые ведут тебя прямой дорогой к смерти.

Тебе стыдно и неловко быть человеческим. Ты не смог принять свою человечность, Илья, ты испугался ее. И чтобы спрятать свою подлинную сущность поглубже, ты стал ненавидеть других людей. Но твоя ненависть к ним разрушает тебя самого. Ты так и не понял, что твое счастье заключено в их счастье. Именно поэтому последний твой грех — сострадание.

— Сострадание?.. — Илья не понял этих слов Данилы.

— Да, сострадание к другим людям. Именно оно создает у тебя иллюзию, что ты сильнее их, что они зависят от тебя, что им что-то от тебя нужно. Но на самом деле все наоборот — это тебе от них нужно, Илья. И это ты зависишь от них, поскольку подлинная твоя сила — не в агрессии, а в помощи, в потребности помогать. Ты ненавидишь тех, кто тебе нужен. Именно потому твоя ненависть к человеку — твоя ошибка.

Илья тяжело выдохнул. Словно бы какой-то камень свалился сейчас с его плеч. Эти, такие, в сущности, простые слова Данилы все вдруг поставили на свои места.

Илья думал прежде, что он — заложник своего сострадания. Что именно его сострадание к другим людям не позволяет ему быть человеком с плетью — сверхчеловеком. Но внутри Илья всегда ощущал во всем этом какой-то подвох. На самом деле, он не хотел быть человеком с плетью, но ему казалось, что иначе просто нельзя, что другого и быть не может. Теперь Данила помог ему решить эту задачу.

Да, сострадание — это грех, странный, даже парадоксальный грех. Если ты страдаешь, ты думаешь, что нуждаются в тебе, что своим сочувствием ты оказываешь помощь. Но, на самом деле, это ты нуждаешься в других людях, ведь именно они делают тебя человеком. Мы нуждаемся в других людях — в этом правда. Все прочее — ложь, и ты лжешь себе, если думаешь иначе.

Другие люди вполне могут обойтись без тебя, ведь их много, но сможешь ли ты обойтись без них? Глупо ненавидеть других людей, абсурдно считать их обузой или бременем. А ведь именно эти мысли одолевали Илью столько лет! Он пытался избавиться, спрятаться от других людей. А на самом деле, он просто страшился своей открытости и своей искренности.

Илья боялся быть таким, каким он в действительности хотел быть. Он прятал свою искренность, защищаясь состраданием. И ненавидел людей, потому что не мог не сострадать им. Он вытеснял свое сострадание ненавистью, а в действительности просто запирал себя в казематах собственного одиночества и мучился.

«Ницше — это дерево на горе, одинокое дерево, — Илья вдруг вспомнил эту фразу из сожженной им сегодня книги. — Много таких гор, много таких деревьев в мире, где каждый только хочет быть, но никто не является тем, что он есть».

Господи, зачем же он сжег ее?!

— Теперь дальше, Илья, продолжал Данила. — Какую миссию мы имеем в виду? Если ты исправишь свою ошибку, то мы узнаем вторую Скрижаль Завета. Полагаю, тебе это мало о чем это говорит. Но поверь: то, что сейчас скрыто в тебе, тебе не принадлежит. Оно принадлежит всему миру, всем людям, оно принадлежит Источнику Света...

— ИДИ КО МНЕ! — неистовый вопль заставил землю ходить ходуном.

Неведомая сила развернула Илью, как легкий алюминиевый флюгер, и ноги сами понесли его вперед, в сторону Башни.

— Илья, дай себе время! — закричал Данила, глядя ему вслед. — Времени тоже не существует!

«Дай себе время!» — эта фраза буквально пронзила Илью. Если времени не существует, то он может дать себе время. Это не физическая проблема, это проблема мысли. Правильно, он просто может дать себе время! И тут его бег вдруг замедлился. Еще через секунду он смог остановиться.

Илья сосредоточился и попытался снова понять, что его тела не существует. Подумав об этом, он смог повернуться спиной к Башне, и увидел, что Анхель и Данила стоят рядом — чуть-чуть позади него.

— И последнее, Илья, — сказал Данила. — У тебя в мозгу кровоотечение, хотя ты его и не чувствуешь. Врачи называют такое кровоотечение «немой гематомой». Когда ты ударился виском о спинку кресла во время аварии, сосуд в противоположной части твоей головы лопнул от рикошетного удара мозга о стенку черепа. Вот почему ты должен умереть.

Сейчас ты спишь. По идее, ты уже не должен проснуться. Этой ночью тебе предписано «тихо и спокойно» умереть. Утром охранник должен найти в твоей одиночной камере остывающее тело. И если так,

то ты не выполнишь той миссии, о которой я тебе сказал, и не сможешь себе. Неисправленная ошибка последней жизни станет причиной твоего вечного заточения в Башне... "До Конца Времен.

— Что значит «по идее»? По какой «идее»? — закричал Илья, терзаемый ужасом предстоящей смерти и неопределенностью слов Данилы.

Илья, — оборвал его Анхель. — «По идее», значит, что ты все равно умрешь. Но я могу отсрочить этот момент. Совсем чуть-чуть, но Данила считает, что тебе хватит этого времени, чтобы доделать свои дела...

— Доделать свои дела?.. — непонимающе протянул Илья.

— Да, — подтвердил Данила.

— Как ты собираешься отсрочить мою смерть? — Илья с растерянностью посмотрел на Анхеля.

— Я останусь с тобой в твоём сне, — ответил Анхель.

— В моём сне?! — не понял Илья.

— Да, в твоём сне. Мы сейчас находимся в твоём сне. Я буду говорить с тобой, и этот разговор на какое-то время удержит тебя вдали от Башни. Но ты все равно будешь двигаться к ней — каждый твой страх, каждый твой испуг будет очередным шагом к смерти. Я буду следовать за тобой, пока это будет возможно. Потом — всё...

— Считаю, что у тебя теперь есть время, — «пояснил» Данила.

— Совсем чуть-чуть! — предупредил Анхель, глядя на Данилу.

— Хорошо-хорошо! — ответил ему тот. — Совсем чуть-чуть!

— Но как же я смогу исправить что-то в своей жизни, находясь во сне?! — Илье показалось, что в подобных обстоятельствах этот «выигрыш по времени» ничего не меняет.

Несколько часов мы можем помогать тебе существовать в этих двух параллельных мирах, — пояснил Анхель. — Данила будет сопровождать тебя в том, я — в этом. Так что у тебя будет возможность, хотя я думаю, что шансов нет никаких. Впрочем, Данила верит, а я верю Даниле...

— Мы должны попробовать, — Данила посмотрел Анхелю в глаза, и на этот раз в его взгляде уже не было прежней решительности, была только просьба — просьба быть сильным.

— Ты все понял? — спросил Анхель Илью. — Ты принял решение?

— Понял?.. — задумался Илья. — Нет, не понял. Но, кажется, у меня нет выбора?

— Нет. За то у тебя есть шанс, — ответил Данила.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Илья подскочил на своем матрасе. Встревоженный, напряженный, он не сразу понял, где находится.

Потом сообразил, что это камера, и оптимизма у него не прибавилось.

Какой странный и страшный ему приснился сегодня сон!

Он шел по столбовой дороге к своей смерти.

От этого воспоминания Илью бросило в пот, руки задрожали, а душа похолодела.

Черт возьми, ему же сегодня тридцать лет!

Что ж, тогда все понятно — страх перед этой датой и стал причиной его ночного кошмара. Все понятно.

Игры спящего разума...

Но что это были за люди, эти двое?

Кажется, они назвались Анхелем и Данилой...

Нужно исправить ошибку,

нужно найти какую-то Скрижаль...

«Сегодня ты умрешь!» — прозвучало в его голове.

Илья начал неистово колотить в железную дверь. Через пару минут окошко в ней распахнулось, и понурый охранник уставился на Илью своими пустыми глазами:

— Что случилось? Горим?

— Нет, не горим. Позови кого-нибудь, а? — просил Илья.

— Кого? — удивился охранник.

— Ну я не знаю, следователя какого-нибудь, или кто там у вас... Мне обещали адвоката...

— Следователя? — переспросил охранник. — Сегодня же суббота!

— И что, что суббота?! — Илья опешил.

— Суббота — это выходной.

— Выходной?! — Илья вдруг понял, что одним днем дело не кончится, и запаниковал.

— Конечно, — охранник никак не мог взять в толк, чего от него хочет этот «гражданин». — Дежурному могу сказать...

— Скажи дежурному, — попросил Илья.

Окошко захлопнулось, звук шагов удаляющегося охранника гулким эхом отразился от стен тюремного коридора. Илья заходил по камере. Что он сейчас скажет этому дежурному? Что он ему предложит? О чем попросит? В сущности, ему нужно сделать только один звонок, а там уж им займутся...

Только один звонок. Сколько это может стоить? Пять тысяч, десять, двадцать, сто? Какая, в сущности, этому несчастному дежурному разница? Ну позвонит Илья. Об этом даже никто не узнает. А ему — этому милому дежурному — зарплата на всю оставшуюся жизнь, причем сразу.

Илья фантазировал о возможных вариантах своего освобождения. Но его голова словно отекала, мысли путались. Время тянулось и тянулось. Успели уже принести завтрак — овсяную кашу с куском хлеба и чай. Он взял миску и кружку, но есть не стал. Спустя какое-то время он снова стал барабанить в дверь, но на сей раз ему никто не ответил.

— А может быть, это розыгрыш? — шальная мысль озадачила Илью. — За десяточку такое легко можно было устроить... Кому это пришло в голову? Кириллу...

Воспоминания о Кирилле снова заставили Илью содрогнуться. Зачем Кирилл объявился в его жизни, и надолго ли? Нет, в этот раз Илья будет стоек. Он не позволит Кириллу играть на своих чувствах. Все, нет больше никаких чувств. Да и не было никогда.

Зря Илья вообще тогда с ним связался. «Возьми с собой плеть... Возьми с собой плеть...» Что за глупость! Бред! Ведь все не так, все это бравада, маскарад, бутафория. И с женщинами, и с людьми, и с жизнью. Чуть!

Сегодняшний сон, конечно, был не из приятных. Но Илья правильно установил в нем эту закономерность, эту связь своего страха перед искренностью с состраданием, а сострадания — с ненавистью. Все так и есть! И страх смерти, о котором он вычитал в этой книге...

А в целом неплохая была книга. Страх смерти действительно серьезная шутка. Забавно, что она попала ему накануне тридцатилетия. Он ведь боится смерти — это правда. Но и не верит ей — это тоже так. Иначе, почему бы он думал во сне о том множестве жизней, которые ему довелось пережить?..

Несмотря на свою сложно организованную религиозность, Илья был материалистом до мозга костей. Он не верил ни в пророческие сны, ни в сны-откровения. Во сне человек видит пережитые им события жизни, но в неожиданной комбинации. А все, что он думает в своих снах, это его собственные мысли.

Как в мозгу вообще может быть какая-то мистика?..

За дверью камеры раздалось долгожданное бряканье ключей. Илья вскочил с матраса и сделал шаг вперед. Дверь распахнулась, и Илья не поверил своим глазам. Перед ним стояла Катя — та самая, та, что когда-то признавалась ему в своих чувствах, та, которой он не ответил взаимностью, та, которую добивался и так и не добился Кирилл.

— Ты?! — Илья опешил.

— А что вы, собственно, фамильярничаете?! — спросил начальник отделения, выступивший из-за Кати. — То, что я приехал в нерабочий день организовывать вам адвоката, еще не значит, что мы перешли с вами на «ты»!

Он, видимо, решил, что удивленное обращение Ильи было адресовано ему. И вообще сегодня этот субъект держался достаточно странно — значительно увереннее, чем вчера, и даже с наглостью.

— Адвоката? — Илья не понял, что именно начальник отделения имеет в виду.

— Да, мы предоставляем вам государственного адвоката. Впрочем, я думаю, что теперь он вам не поможет. Так что можете прямо сейчас дать ему отвод...

— Кому?

Вот! — начальник отделения показал на Катю.

Катя будет его государственным адвокатом? Господи, она же училась на юридическом... Точно! Вот это совпадение! Как же хорошо она выглядит — совсем взрослая стала! Сколько ей сейчас? Двадцать... Двадцать четыре, наверное?..

— Ну что? Даете отвод? — нетерпеливо спросил начальник отделения.

— От чего же? Пусть будет этот. «Официальное лицо» скривило физиономию:

— Нет? Ну тогда пожалуйста... Занимайтесь, — начальник отделения удалился, дверь захлопнулась.

Илья с Катей остались вдвоем.

— Катя, как я рад тебя видеть!

Илья действительно был рад, если не сказать — счастлив.

Конечно, а как иначе?! Вдруг во всем этом безумии, в бесконечности этого безумия увидеть замечательного человека, которому ты небезразличен. По крайней мере, был небезразличен... Илья попытался обнять Катю, но та остановила его. Он растерялся и не знал, как реагировать.

— Илья, пожалуйста, не надо, — тихо, но четко сказала Катя. — Я здесь выступаю как адвокат. И ты должен дать мне отвод.

— Но почему?! — Илья никак не мог поверить, понять, что все это происходит с ним на самом деле.

— Во-первых, я буду рассматриваться как заинтересованное лицо. А во-вторых, у меня мало опыта для такого дела.

— Катюша, какое «лицо»?! Какое «дело»?! Ты что, с ума сошла? Надо просто сопоставить анализы крови — той, что на мне нашли, мальчика того, которого сбита моя машина, и этой девушки... Делов-то!

— А ты что, еще не знаешь? — Катя посмотрела на Илью с недоверием.

— Не знаю чего? — не понял Илья.

— Кирилл дал против тебя показания...

— Какие показания? — Илья окончательно запутался.

— Кирилл дал против тебя показания. Рассказал, что он был свидетелем того, как ты убил эту девушку... — Катя выдержала паузу, переборола внутреннее смятение и добавила:

— Изнасиловал и убил...

— Я?! Кирилл дал такие показания?.. — Илья был настолько шокирован, что, казалось, потерял дар речи.

«Мы создаем обстоятельства, заложниками которых оказываемся», — пронеслось в его голове.

— Да, Илья. Да! — Катя напряженно вглядывалась в глаза Ильи, словно бы спрашивала его о чем-то.

Нет, Катя, нет! Не смотри на меня так! Я ничего этого не делал! Я и Кирилла-то первый раз за четыре года увидел перед самым арестом! Я вообще ничего не понимаю... — Илья пошатнулся, буквально осел на пол, обхватил голову руками и забормотал. — Бред какой-то... Нет, этого не может быть. Ах, вот почему этот мент так стал со мной разговаривать. У него теперь показания на меня есть. Ерунда какая-то... Этого просто не может быть...

Катя опустила перед Ильей на корточки и внимательно посмотрела ему в глаза.

— Ты ни разу не виделся с ним за эти четыре года? — ее голос дрогнул.

— Да, четыре. Как все узнал, так и не виделся...

— Что, «всё»? — Катя, кажется, все понимала, но хотела, чтобы Илья сам ей это сказал.

— Ну про то, что у вас произошло, — пояснил Илья.

— А что у нас произошло? — Катя настаивала, она ждала услышать от Ильи что-то очень важное для себя.

— Ну... Он же хотел тебя добиться... Или мне больно сделать. Не знаю. Напелл тебе всякое...

— Напелл... — Катя, не отрываясь, смотрела на Илью.

Глаза ее становились влажными от слез, голос дрожал.

— Пустое все. Глупо как вышло. Как глупо все вышло... — тут Илья опомнился и посмотрел на Катю. — Ты меня прости, что я тебя тогда не искал. Замотался, дела... Впрочем нет, не так. Неловко было сначала, а потом, действительно, замотался.

— Илья, скажи честно, ты какое имеешь отношение к этому делу? — Катя перевела разговор на другую тему.

— К какому? — не понял Илья.

— К убийству? — сухо сказала Катя.

— Да я же тебе говорю — никакого! — Илья взбесился: «Неужели же это не очевидно?!» — звучало в его голове.

И тут только он понял, что Катя, как бы она к нему ни относилась прежде, не верит в его невиновность.

— Ты что, мне не веришь! ты что, думаешь, я мог такое сделать?! Как ты вообще можешь обо мне такое думать?! — Илья орал на нее во всю мощь своего голоса.

Катя заплакала, тихо, еле слышно. Полное отчаяние и абсолютная растерянность читались на ее лице.

— Катя, что ты? Не реви. Прости меня, я не хотел... — Илья взял ее за плечи, попытался успокоить. — Сорвался. Такая глупость, право. Я не понимаю, что происходит.

— Илья, ты меня спрашиваешь? Спрашиваешь, что я могла о тебе думать?.. — ее голос пропадал в беззвучных всхлипываниях. — А что я могла о тебе думать, Илья? Что мне думать? Что? Ты скажи мне... Мне только что показывали фотографии этой девочки... Страшные, страшные... Что мне думать?.. «Возьми с собой плеть»... Твоя ориентация, Кирилл...

— Да блин! Какая ориентация?! Это же он тебе специально сказал! Наплел! Слышишь меня — специально! Чтобы тебя... чтобы меня... — Илья вдруг запутался. — Господи, так ведь он на меня теперь и показания дал!

И только сейчас Илья осознал это. Его затрясло. Лютая злоба, испепеляющая ненависть к Кириллу и боль — надсадная, сжимающая сердце боль — рвали душу Ильи на мелкие части. Он заметался по камере, словно раненый зверь, издавая истовый, отчаянный крик.

Яркая вспышка света, острая боль в затылке... И пустота.

Путь до Башни по черной, вымощенной камнем дороге значительно сократился. Уже можно было разглядеть отдельные ее детали — вздымающиеся вверх готические шпили, множество заостренных куполов. Эти игольчатые конструкции образовывали жерло, из которого исходило дыхание темного, багрового пламени.

Илья залюбовался пугающей величественностью этого сооружения. Что это за странные, мерцающие холодным светом огни у основания?

— Илья, не смотри туда! — прозвучал сзади голос Анхеля.

— Почему? — не понял Илья, зачарованный открывшимся ему зрелищем.

— Илья, обернись! — Анхель настаивал.

— Ну чего еще? — Илья стал поворачиваться, недовольный и даже раздосадованный этой утомительной для него настойчивостью своего непрошеного попутчика.

— Ты так ничего и не понял, Илья, — сказал Анхель, встретившись с остекленевшим взглядом Ильи. — Очнись! Это не шутки. И это не просто сон! Ты умираешь, Илья! Слышишь меня!

Илья озадачился:

— Умираю?.. Почему?

— Смерти не нужны причины, ей достаточно просто повода, — ответил Анхель. — Смерть — это пустота. Разве может быть причина у пустоты?

— Причина у пустоты? — Илья задумался. — Нет, не может. Постой, но ведь это ты говорил мне, что душа проживает многие жизни?

— Да, — ответил ему Анхель.

— Так что же тогда смерть?

— Пустота.

— Получается, что мы приходим из пустоты и уходим в пустоту? А что тогда там? — Илья напрягал свое воображение, не в силах найти разгадку этого парадокса. — Пустота? Какой-то замкнутый круг... Бессмыслица.

— В этом-то все и дело, Илья, — протянул Анхель. — В этом-то все и дело.

— Так что же, нет, значит, смысла? Никакого?! — этот вывод испугал Илью.

— Смысл есть, Илья, — ответил Анхель. — Трудом своей души человек преображает мир. И каждый такой шаг человека служит Источнику Света. Мы обязаны служить ему и выполнять свое предназначение.

— Источнику Света? Что это? — Илья стал понемногу приходить в себя.

— Это то, частицами чего мы являемся, — объяснил Анхель. — Это, если тебе так будет понятнее,

Бог.

— Бог? — Илья посмотрел на Анхеля с недоверием. — Но я не верю... Что мы можем знать о Боге? Что о Нем знают люди? Они просто верят... Боятся и верят. А так, Он лишь иллюзия, придумка, успокоительное средство.

— А разве твоя жизнь вымысел?

— А разве не ты сказал, что смерть вымысел? Коли так, то и жизнь —, блеф, — Илья вдруг задумался. — Вот, например, моя жизнь — это блеф. В ней ничего не было по-настоящему. Нечего вспомнить, не за что ухватиться... Уже и умирать зовут, а откуда зовут — непонятно. Из ничего...

— Илья, ты всю свою жизнь боялся смерти, — прошептал Анхель. — А того, что твоя жизнь пуста, и не заметил.

И только прозвучали эти слова, Илью, словно молнией, пронзил ужас. Но он испугался не из-за предстоящей смерти. А из-за того, что он ведь и не жил толком, только имитировал жизнь.

В этот миг зачарованность башней, оцепенение, сковавшее душу, исчезли. Он почувствовал ни с чем не сравнимое облегчение, словно кто-то провел рукой перед его глазами и снял застлавшую их пелену.

— Анхель, я, что, действительно умираю? — спросил Илья.

И Анхель заметил, как в одно мгновение изменился, пробудился голос его собеседника. Как вдруг, словно бы по какому-то указанию свыше, снова засветились его глаза.

— Да, Илья, да!

Катя сидела на холодном полу камеры и раскачивалась из стороны в сторону. Слезы двумя ручейками сбегали по ее щекам и падали Илье на лицо. Прижимая к своей груди его голову, прикрыв рукой его распластавшееся на полу тело, она, как заговоренная, повторяла и повторяла странную, непонятную ей самой фразу:

— Смерти нет... Смерти нет... Смерти нет...

Откуда взялась эта фраза? Что она для нее значила? Зачем она ее повторяла? Этого Катя не знала. Но она знала только одно — это правда. Правда, в которую она верит, даже если все вокруг нее будет свидетельствовать об обратном.

— Что... Что ты говоришь? — прошептал Илья, медленно приходя в сознание.

— Я тебя не могу потерять, — ответила Катя, глядя на Илью. — Ты моя кровь, Илья. Моя кровь. Не люби меня, не надо. Ты только живи, ладно? Мне бы знать только, что ты живешь...

Мне такой странный сон снится, Катя. Второй раз уже... Такой странный... — шептал Илья. — Будто бы я стою на дороге к своей смерти. И она зовет меня, манит, а кто-то держит меня, не пускает. Я бы уже и хотел умереть, а держит что-то.

— Ты, Илюшенька, прими жизнь, как я это делаю. Просто решила для себя — приму ее такой, какая есть. И стало мне легко на сердце, Илюшенька. Ты тоже прими...

— Катя, выручи меня. Страшно мне... Позвони в офис, скажи им, где я. Пусть разберутся. Что-то нехорошо мне... Совсем нехорошо...

— А ты не обманываешь меня, Илья? Ты прости, что я так говорю. Сердцем знаю, что не обманываешь, но ты-то и отучил меня сердцем жить...

— Катя, иди. Слышишь? Иди, позвони. Скажи, что я здесь.

Катя встала, помогла Илье лечь на матрас и позвала охранника.

Дверь открылась, Катя направилась к выходу. На пороге камеры она вдруг остановилась и повернулась к Илье. Тот смотрел на нее уставшими, больными глазами.

— Не я это, Катя. Не я, — прошептал он.

— Я о другом.

— Что?

Катя попросила, чтобы охранник подождал минуту за дверью.

— Там к тебе человек один просится... Чудной.

— Какой человек? — Илья не понял, о чем она говорит.

— Я его не знаю, — ответила Катя. — Просил, чтобы я тебе сказала. Говорит важно. Данилой его зовут. Откуда он? Может, журналист какой? Я сказала, что ничего не знаю и что говорить ничего не буду.

— Данилой?! — Илья напряженно пытался вспомнить, где он слышал это имя совсем недавно.

— Да, вроде бы Данилой. Просил, чтобы я имя его тебе назвала. Сказал, ты все поймешь.

— Нет, не может быть, — Илья покачал головой.

— Чего не может быть?

— Да ерунда. Не может быть. Во сне это... Привиделось. Будто бы Данила какой-то держит меня на той дороге...

В глазах Кати словно бы промелькнуло что-то.

— Хочешь, я договорюсь, чтобы пустили его?

— А сможешь? — усомнился Илья.

— Придумаю что-нибудь.

Ну давай, иди. Главное в офис позвонить, — поторопил ее Илья.

Катя застала Данилу в застекленной комнатке дежурного. Вместе с хозяином помещения они оживленно обсуждали какой-то футбольный матч.

— Нет, ну с этим тренером совсем другое дело! Давно уже нужно было нанять кого-нибудь из... — взбудораженно тараторил дежурный.

— Спасибо, я закончила, — сказала Катя, прервав эту красноречивую дискуссию.

Данила повернулся вполборота к своему собеседнику, и подмигнул Кате так, чтобы тот не видел.

— Екатерина Сергеевна, ну что? Нужен я? — спросил ее Данила.

— Да, пожалуй... — Катя слегка растерялась.

— Тогда, что ли, к нему идти? — Данила выглядел измученным подчиненным дотошной начальницы. — Когда вам материалы предоставить? Часам к трем?

— Да, если к трем, то хорошо... — сказала озадаченная Катя.

- Тогда, что ли, пусть меня проводят? — продолжал Данила, как ни в чем не бывало.
- Да, пусть... Проводите его, пожалуйста...
- Провожу, провожу! — ответил дежурный. — Пойдем, дружище!

- **И**лья, здравствуй, сказал Данила, когда дверь камеры за ним закрылась.
- Мы знакомы? — Илья изумленно уставился на своего посетителя.
- Что-то вроде того. Я из твоего сна, — ответил Данила.
- Из моего сна?! Это как?

— Знаю, я бы тоже удивился... месяца три тому назад. Но у тебя нет этого времени, Илья. Помнишь, я тебе про «немую гематому» говорил? Ты сейчас жив только потому, что там тебя Анхель держит.

- Там — это где? — Илья посмотрел на Данилу, как на умалишенного.
- Это что-то наподобие границы миров, — «объяснил» Данила. — Но это правда, Илья. Совсем нет времени.

- А что ты от меня хочешь? — Илья напрягся. — Мне что-то сделать надо?
- Да, надо, — ответил Данила. — Но что — неизвестно.
- А кому известно? — Илья совершенно перестал понимать, что происходит.
- Никому.
- Я все понял, ты моя галлюцинация, — Илья ни то шутил, ни то отшучивался.
- Илья, черт! Я тебе говорю — ты умираешь. Сегодня же умрешь. Ты понимаешь, нет?!
- И что? Спасаться? Как?! — Илья разозлился.
- Две вещи, Илья. Две вещи! Во-первых, ты должен понять, что ты сегодня умрешь. Во-вторых, надо вызвать врача.

У Ильи начался истерический смех. Он не смеялся, он кричал, дышал урывками. Держался за живот и катался на своем матрасе с одного бока на другой. Две вещи, о которых его просил Данила, показались ему взаимоисключающими. Если он понимает, что он сегодня в любом случае умрет, то врача ему вызывать, мягко говоря, бессмысленно. А если вызывать врача, то, видимо, шанс у него есть.

— Мне тогда... Ха-ха-ха!., представителя службы... Ха-ха-ха!, ритуальных услуг... Ха-ха-ха!., вызывать надо! Ха-ха-ха!

Тебе надо отсюда выбраться до того, как ты умрешь, — Данила стал спокойно и внятно объяснять Илье свою мысль. — Анхель считает, что тебя здесь специально заперли. Что тебя здесь Тьма держит, чтобы забрать твою жизнь вместе со Скрижалью. Впрочем, я так не думаю. Мне кажется, что все произошедшее — это лишь стечение обстоятельств, созданных твоей ошибкой...

Человек, допустив ошибку, как бы сбивается с пути. Все обстоятельства оказываются против него. Это — как, когда игрока удаляют с поля за нарушение правил. Если мы сможем выудить тебя отсюда под предлогом лечения, не факт, что врачи тебя спасут. Анхель уверен, что не спасут. Но у тебя будет шанс оказаться там, где, по идее, ты не должен быть. И все может повернуться по-другому. В этом я и вижу шанс.

— Слушай, ты все это серьезно говоришь? — Илья совсем успокоился после своей истерики и внимательно смотрел на Данилу.

— А к тебе часто являлись люди, которые только что беседовали с тобой в твоём сне? — Данила ответил Илье таким же внимательным и сосредоточенным взглядом.

— Так ты говоришь, что я умру. Сегодня? — щемящий холодок пробежал у Ильи по спине. — Что мне сказать врачу?

- Скажи, что у тебя головная боль, что вчера ты сильно ударился головой, что тебя тошнит...
- Скажу, — согласился Илья.
- А я пока попытаюсь что-нибудь по части официального освобождения предпринять, — сказал Данила.

— Катя сейчас позвонит. Моя служба безопасности займется.

— Илья, ты главное про смерть пойми. Анхель считает, что тебе не надо об этом знать. Что если ты это поймешь, то всё — сломаешься. Но я по своему опыту сужу. Я в свое время, когда понял, что вот оно — здесь: получите, распишитесь, то и жизнь как-то по-другому увидел. Каждый, наверное, по-своему это переживает, но... Короче, я сказал, что думал. Надо идти. А ты жди врача, я предупрежу там, что ты в медицинской помощи нуждаешься.

Илья снова остался в камере один.

Вчера он так хотел этого — побыть одному.

А сегодня ему мучительно тяжело от воплощения своей мечты.

Все, прямо как по Оскару Уайльду:

«Если боги хотят наказать человека, они исполняют его желания», — подумал Илья.

Тут он вспомнил перепуганные глаза Кати, ее смятение, ее боль.

Ему так захотелось защитить ее, быть с ней. Он подумал о двух странных людях из сна, которые говорили с ним, как с ребенком. И ему захотелось, чтобы с ним так говорили.

Всю жизнь Илья тащил на себе непомерный груз своей деятельности. Да, его работа была не просто работой, она была именно *деятельностью*. Всю свою жизнь он что-то кому-то доказывал. Не жил и не чувствовал себя, а только изображал согласие с самим собой. На самом деле, ведь не было этого согласия. Ближе не было! Он не знал-то себя толком. А теперь, верно, уже и не узнает никогда. Где уж тут...

Слово «никогда» заставило Илью содрогнуться. Неужели правда, неужели он умрет сегодня. Нет, это как-то странно. Так не бывает. Сейчас жив, а через пару часов — что? Все? И тут он вспомнил мальчика, сбитого его машиной. Его оторопевшие от ужаса глаза, его растерянный взгляд. И голос, тихий, слабый голос: «Как это не вовремя...» Что же он ему ответил тогда? Что?.. Илья силился вспомнить, но не мог.

А мальчик все спрашивал и спрашивал его: «Ты меня убил? Ты?» Илью этот вопрос вывел из себя, он стал раздражаться: «Да какая тебе разница?!» А тот ответил: «Лучше, чтоб ты...» Это показалось тогда Илье глупым, нелепым, легкомысленным. Но сейчас, примеряя эту ситуацию на себя, он вдруг отчетливо понял... Смерть — это кульминация жизни. Важно, каким ты придешь к ней. И то, как умрешь, — это символ.

Кто же это сказал, что счастье человека в том, как умереть? Нет, не так, а: «Счастье пахаря умереть в поле»... Кто же это сказал? Может быть, Сартр? Да, может быть. Или нет, он сам умер за письменным столом, работая над своей книгой, а сказал так кто-то другой. Умереть, занимаясь своим делом. А где было бы хорошо умереть Илье? На бирже? В банке? На производственном совещании на глазах у Ивана Рубинштейна? Нет, все как-то совсем не так. Да и о чем он думает?

Илье вдруг надрывно, до боли захотелось с кем-нибудь поговорить, просто обмолвиться парой слов. Пусть эта беседа не будет долгой, пусть у нее не будет ни цели, ни смысла. Просто пусть она будет. Разговор ни о чем, просто. Просто глаза в глаза, и ничего больше. Ведь важно же в конце концов не то, о чем ты говоришь или что тебе говорят. Важно то, что тебя слушают и ты слушаешь...

Просто две души, разговаривающие ни о чем. О чем они разговаривают? Не зная того сами, они говорят о вечности.

Слезы застилали Илье глаза. Ему вспомнилось одиночество булгаковского Пилата. Нет, ему не нужна была вера. Просто человек, с которым можно было бы перекинуться парой слов. Слово — как молитва, как связующая нить, идущая, подобно Христу по воде, из вечности одного одиночества в вечность другого. Господи, зачем он жил все эти свои тридцать лет?! Как их потратил?!

Он забыл, с кем он последний раз *разговаривал*. Когда это было? Он ведь не *разговаривал* уже столько лет! Он думал. Думал — крутил в голове шарaban своих мыслей, и лишь имитировал общение. Деньги, связи, отношения, интересы и снова деньги. Все это было в нем, но не было его самого — Ильи, и не было того, с кем он разговаривал. Да, Илья все это время вел нескончаемую беседу с пустотой, внутри себя самого.

Бесконечный, изматывающий бег мысли по кругу, одиночество и ненависть. Три слагаемых его жизни. Так прошла жизнь...

Ненависть рождалась в нем от боли, от невозможности быть тем, кем он являлся на самом деле. Страх перед смертью каждый день усиливал эту боль и заострял лезвие его ненависти. Илья выбрасывал эту злобу из себя вовне от бессилия, от невозможности вырваться за грань своего одиночества. Только Кирилл когда-то дал ему ощущение, что одиночество преодолимо... Обман восприятия, иллюзия, неправда.

Илью привязало к Кириллу это ощущение, эта мечта. И надо было пережить то, что Илья пережил сейчас, чтобы эта связь, наконец, разорвалась. Страх смерти, ужас одиночества и боль от своей ненависти, от своей неспособности быть искренним, сделали Илью рабом этих отношений. А Кирилл пользовался, питался этой зависимостью и шаг за шагом скармливал душу Ильи все тем же голодным псам — смерти, одиночеству, ненависти.

И вот теперь все встало на свои места. Потому что конец — «финита ля комедия»! Но сколько же в нем нерастрченных чувств, сколько неиспользованных возможностей, сколько бездарно и бессмысленно потраченных лет! А теперь свобода, он ее вдруг почувствовал — в самом конце, в последний день, на краю пропасти... Как теперь исправишь эту ошибку? Нет, не исправить.

Врач исследовал состояние Ильи подручными средствами — померил пульс, давление, постукал молоточком по коленкам, посветил фонариком в глаза.

— Бросайте прикидываться, — сказал он по завершении своего обследования. — Ничего у вас нет. Может, и есть слабое сотрясение, но лечение тут одно — постельный режим. А с этим у вас здесь

проблем не будет. Мне сказали, что лет двадцать... Так что — отоспитесь.

- Послушайте, а есть такое заболевание или травма — «немая гематома»? — спросил его Илья.
- Есть. Редкая штука, — ответил доктор.
- Что значит — «немая»?
- А значит это, дорогой товарищ, что «вскрытие покажет»...
- Спасибо, — ответил Илья.
- За что, спасибо-то? — не понял его доктор.
- Спасибо за то, что поговорили со мной.

Ну, вы прямо как смертник за общение благодарите... — доктор от недоумения даже поправил очки. — Но вы это... так... того... Может, еще оправдают.

Не оправдают, — ответил Илья и улыбнулся.

— Наймете адвокатов... — не закончив этой заученной фразы, доктор задумался. — Я бы перевел вас в больницу, да у меня оснований нет. Извините.

— Да ладно, не важно, — ответил Илья. — Какая разница, где...

— Ну, вы это... прямо... как-то совсем... — недовольно протянул доктор.

Пока врач ждал, что ему откроют дверь и выпустят, Илья спросил у него:

— Это правда, что все смертники за разговор благодарят?

— Сейчас-то смертников нет, — начал объяснять доктор, — мораторий у нас на смертную казнь. А раньше, раньше — да. Часто благодарили. Не знаю, почему. С тоски, наверное.

— А может быть, на пороге смерти человек что-то важное понимает для себя? Вы так не думаете?

— Мокрушники эти? — ухмыльнулся доктор. — Да куда им!

Тут доктор осекся. Его лицо исказила комичная гримаса — он словно бы извинялся перед Ильей. Мол, вас не имел в виду. Мало ли что бывает. Извиняюсь.

— А я думаю, понимают, — тихо, но уверенно сказал Илья.

За стенами камеры тем временем кипела работа. Катя передала информацию в службу безопасности Ильи. Те включили все возможные рычаги, но дело стопорилось. При наличии столь серьезных «доказательств», никто не мог отдать распоряжения об освобождении Ильи из-под стражи.

Был организован дополнительный допрос всех свидетелей ДТП, случившегося на Садовом кольце. Лаборанты вышли в субботний день на работу. Кровь, найденная в машине Ильи, соответствовала группе крови погибшего молодого человека и не соответствовала группе крови погибшей девушки.

Но оставались показания Кирилла, а сам Кирилл благополучно пропал. Его розыск не давал никаких результатов. К делу подключились заинтересованные высшие чины силовых ведомств. Адвокаты Ильи подготовили необходимые бумаги с требованием о его немедленном освобождении. Работа кипела, а результатов — ноль.

Данила позвонил Кате на мобильный в начале седьмого:

— Алло! Катя, это Данила.

— Данила? — Катя пыталась припомнить, где она слышала этот голос.

— Да, Данила. Сегодня утром, у Ильи. Помните?

— Ах, да! — поняла Катя. — Конечно. Ну, как вы?

— У меня к вам две просьбы, Катя. Отправьте машину «скорой помощи» с реанимационной бригадой к месту заключения Ильи, — попросил Данила.

— А что... Что с ним?! — перепугалась Катя.

— Долго объяснять. Сделаете, ладно? И второе. Сейчас я привезу девушку — свидетельницу. Она из тех, что были вчера в доме у Ильи. Ее уже допрашивали вместе со всеми, но она не рассказала, как дело было.

— А как дело было?!

— Это Кирилл ту девушку убил. Убитая тоже должна была к Илье ехать, но заартачилась. И Кирилл... Ну, в общем, у следствия теперь будет другой обвиняемый.

— Кирилл?! — Катя не верила своим ушам.

— Да. И кстати, у него «шенген», сегодня утром он улетел в Германию. Но показаний этой свидетельницы, я думаю, будет достаточно. Организуете врачей, ладно?

— Да...

В трубке раздались гудки. Катя, целый день державшая себя в руках, разрыдалась. И с этими слезами из нее выходила вся боль, вся мука и все отчаяние последних четырех лет. Она плакала и плакала, а ее губы шептали: «Возьми с собой плетть... Возьми с собой плетть... Возьми с собой плетть».

Это ужасное, довлевшее над Катей проклятье, наконец, оставляло ее. Гнойный нарыв прорвался. До сих пор она покорно сносила его присутствие. Но вот долгожданное освобождение. Она ощущала его буквально на физическом уровне.

Когда-то она хорошо знала Илью. Он был ее миром — загадочным и, одновременно с этим,

абсолютно понятным. За каждым словом, жестом, поступком Ильи, она видела вовсе не то, что замечали другие люди.

Она видела его человечность и его готовность прийти на помощь. Но он помогал только тем, кто в этом действительно нуждался. Она понимала, почему он так требователен к своим близким — он помогал им расти, он хотел, чтобы они верили в себя и в свои силы.

Иногда Катя ловила себя на мысли, что если бы она была Ильей, то в аналогичных ситуациях вела бы себя точно так же. Она бы говорила те же самые слова и предпринимала те же самые шаги. Для нее никогда не было тайной в том, почему он поступает так, а не иначе. Она понимала, что он думал, когда говорил то, что он говорил.

Больше того, она даже понимала его отношение к Кириллу! Поэтому, когда Кирилл сказал ей вдруг, что все дело в сексуальности Ильи, это повергло ее в ужас. Нет, ее шокировал не сам этот «факт». Она усомнилась в том, что она все это время действительно правильно его понимала! Кирилл предложил ей совсем другое объяснение...

Следовательно, чувства и мысли, которые Катя приписывала Илье, не имеют к реальному, настоящему Илье никакого отношения! Вот, в чем смог убедить ее Кирилл своим «откровением». И вот только теперь, когда она узнает, что все, сказанное Кириллом, — неправда, прежнее чувство странного, поразительного единства с Ильей вернулось к ней.

И она плакала... От счастья.

У Ильи перехватило дыхание: столь величественной предстала ему Башня вблизи. Гигантское строение, словно бы сплетенное из сотен самостоятельных архитектурных конструкций, вздымалось вверх с невероятной, дикой, исполинской силой.

Возвышаясь над необозримым пустынным пространством, Башня подавляла всякого, кто мог оказаться рядом. Впрочем, стоило Илье намеренно расфокусировать зрение, и эта же самая Башня казалась ему огнедышащим чудовищем, вставшим на дыбы, или увеличенной копией самого большого в мире вулкана.

Голос, исходивший из жерла этого «вулкана», продолжал звать Илью, сотрясая землю вокруг. Дорога, вымощенная черным камнем, почти горела у Ильи под ногами, с такой скоростью он спешил к ее основанию, где мертвым, холодным светом мерцали манящие его огни.

— Илья, послушай меня! — говорил Анхель, идущий за ним следом. — Ты должен сопротивляться.

Зачем? — спросил Илья. — Все равно я умру. Жизнь — это движение к смерти.

Мы начинаем умирать с момента своего рождения. Мы умираем, даже когда растем. Это неизбежность, с которой нужно примириться.

— Смерть не уничтожает человека, Илья, она лишь делает его невидимым. Так было до сих пор, но сейчас ты идешь к своей последней смерти...

— Почему? — Илья вдруг остановился и обернулся.

— Тебе дорог кто-то? — спросил Анхель, глядя Илье прямо в глаза.

Илья задумался. В его сознании всплыл образ Кати, его родителей, однокурсников и учителей, знакомых и приятелей, сотрудников... Он вспоминал и вспоминал, мириады лиц и судеб проходили перед его внутренним взором.

— Да... — протянул Илья, смотря перед собой сквозь эти образы.

— Если ты не найдешь в себе силы задержаться, для них эта жизнь тоже будет последней, — сказал Анхель. — Они умрут *навсегда*.

Образы близких и знакомых в одно мгновение исчезли. Илья испугался по-настоящему:

— Но почему?!

Послушай меня. Я знаю, что дикая, непреодолимая сила тянет тебя к Башне, но это очень важно. Послушай меня, пожалуйста!

— Я слушаю, слушаю, — торопил Илья.

— Никто из нас в этом мире не принадлежит себе, Илья. Никто. Все мы трудимся на общее благо, — начал Анхель.

— И что? — Илье не терпелось, он чувствовал зов Башни.

— Это не то благо, о котором ты подумал. Мы живем ради победы Света над Тьмой. Каждый поступок человека — это поступок, который он совершает для вечности. Из бесконечного множества таких маленьких поступков соткано полотно этой великой битвы.

— Ты хочешь сказать, что именно от моего поступка, от того, что я сделаю сейчас, зависит исход этой битвы? — Илья даже улыбнулся. — Но почему?!

Он всегда верил в то, что он особенный, не такой, как все. Но о подобной исключительной роли для себя он, разумеется, никогда и не помышлял.

— Помнишь Данилу? — спросил вдруг Анхель.

— Это тот человек в белой одежде, который был с тобой? — припомнил Илья.

Да. Он считает, что исход этой битвы зависит от каждого нашего поступка и от каждого из нас. Он встречался с Источником Света, и ему кажется, что для него нет малого и большого, нет первого и последнего, а поэтому каждый поступок важен. Еще он говорит, что битва эта идет не где-то в стороне от нас, а в каждом из нас. Поэтому каждый человек ответственен за исход этой битвы и каждый поступок имеет значение.

— Да, он прав, этот твой друг. Я думаю так же, — сказал Илья.

— Но ты особенный, Илья! — Анхель сказал эти слова с силой и болью.

— Особенный?

— Источник Света оставил нам Скрижали Завета. В роковой момент великой битвы мы должны были получить эти Скрижали. В них тайна победы над страхом смерти. Именно он лишает сил светлую сторону мира и отдает их темной.

— ИДИ КО МНЕ! — дикий, безумный, усилившийся до предела голос из Башни снова воззвал к Илье.

Но Илья не двинулся с места.

— Говори дальше! Говори быстрее! — попросил он. — Я теряю силы, не могу сопротивляться...

Настало время открыть Скрижали, но Тьма перехватила и рассеяла их. Семь избранных получили Скрижали, но они даже не догадываются об этом. Сейчас Тьма пытается лишить их жизни. Если Ей это удастся, Скрижали будут потеряны безвозвратно.

Тогда великая битва будет проиграна. Тьма победит. Дальше останется только одно — ждать Конца Времен. Источник Света уйдет, и все души погибнут. Все кончится, понимаешь? Совсем!

Мы с Данилой ищем эти Скрижали. Одна уже найдена, вторая — в тебе. Если ты умрешь прежде, чем мы узнаем о ней, мир погибнет. Ты понимаешь теперь цену своего поступка? Цену одного твоего шага на пути к своей смерти...

Илья, еще чуть-чуть, и я больше не смогу следовать за тобой. Я не знаю, что это за холодно-синие огни в основании Башни. Но как только ты разглядишь их, я уже не смогу следовать за тобой, ты останешься один.

Непреодолимая стена темных сил выдавливает меня из своих владений...

И тут только Анхель заметил, что глаза Ильи полны слез. Не в силах смотреть на них, Анхель отвел взгляд.

— Нет, Анхель, смотри мне в глаза, пожалуйста! — содрогаясь от спазмов и боли, попросил Илья. — Я буду держаться столько, сколько смогу. Но сегодня я умру, я уже знаю это. Знаю точно. Смотри мне в глаза, Анхель, это единственное, что меня держит. Анхель, помоги мне, я буду стараться...

Невидимые силы тянули Илью к Башне. Невидимые силы пытались отбросить Анхеля назад — в мир живых. И оба они — эти два человека — стояли друг напротив друга на пороге вечности, глядя друг другу в глаза.

Машину «скорой помощи» трясло так, будто бы она мчалась по пересеченной местности со скоростью сто километров в час.

Катя держала Илью за руку. Он был без сознания. Последнее, что он успел ей сказать: «Пока ты жива, я не умру».

Данила сидел на переднем сидении машины, повернувшись всем корпусом в сторону салона и наблюдая за происходящим через специальное окошко.

Там, в салоне, полным ходом шли реанимационные мероприятия — врачи отчаянно боролись за жизнь Ильи.

Данила слышал лишь обрывки фраз: «Пульс нитевидный! Давление падает! Он загружается Зрачковый рефлекс отсутствует! Адреналин! Дефибрилляция!»

— Можем быстрее ехать? — спросил Данила у водителя, потом глянул на спидометр и добавил: — Видимо, не можем... Сколько еще?!

— Да уже почти приехали! Не волнуйтесь вы так! Сейчас поворот, и все — мы на месте, — ответил ему водитель.

Действительно, через пару минут машина повернула и начала маневрировать у больничного корпуса.

Все, приехали! — отрапортовал водитель. Данила повернулся, кинул взгляд в лобовое

стекло и не поверил своим глазам — в больничных дверях, прямо перед машиной, стоял Анхель.

Несмотря на всю свою смуглость, он казался белым как полотно. Данила выскочил из машины:

— Анхель, ты почему здесь?!

Анхель молчал, не в силах вымолвить ни слова.

— Что ты здесь делаешь?! — Данила тряс его за плечи.

— Все кончено, — ответил Анхель и опустил глаза.

— Как кончено?! — не понял Данила. — Он ведь...

В этот момент из салона машины один за другим показались два врача. Они двигались медленно, не торопясь.

- Эй, Коля! — окрикнул один из них водителя.
- Чего еще? — отозвался тот.
- Давай, езжай к моргу. Опоздали...
- Всё, — переспросил тот, — ничего больше не будете делать?
- Нет. Сказал же тебе! Всё!

Данила все еще не мог поверить в случившееся. Илья умер. Конец.

Весь мир показался им в этот момент искусственным, мертвым. Словно красочная декорация из папье-маше. Вокруг происходило движение: по улице шли люди, гудели машины, вечернее небо оставалось все таким же — глубоким и прозрачным. Все, как всегда, никаких формальных признаков Конца Времен. А вместе с тем, странный, слегка сладковатый привкус смерти уже проник в этот мир.

(Книга из электронной библиотеки неПУТЬёвого сайта <http://ki-moscow.narod.ru>)

Как человек может почувствовать, что он умирает? Если бы он на собственном опыте знал, как это должно быть, то, верно, ощутил бы приближение своей смерти. Но ведь нет, так не бывает. Это чувствуешь только однажды. И для каждого его уход из жизни — первый. Так и с Концом Времен. Кто заметит, что он настал, если никто не знает, как это должно быть?

Нам кажется, что конец света будет похож на красочное светопреставление. Мы рисуем себе художественные картины — небо вдруг насупится и обрушится на землю потоками воды и грозowymi раскатами. Мы думаем, что огонь охватит собой все живущее, что сама почва придет в движение... Однако же все это — только фантазии. Как будет на самом деле? Так. Просто и незамысловато.

— Анхель, почему я не могу верить в то, что это случилось? — спросил Данила, облокотившись на перила больничной лестницы и глядя на отъезжающую в направлении морга машину «скорой помощи».

— Может быть, потому что еще не все потеряно? — сказал Анхель. — Ты ведь говорил с Источником Света. И если тебе кажется, что...

— Источник Света высказался на этот счет весьма определенно, — голос Данилы стал резким. — Когда я спросил Его, что будет в Конце Времен, Он сказал: «Я просто уйду». Понимаешь? «Просто уйду»! Вот так, просто. Надежда — искусительница, вера — искусительница... Все пустое. Самоутешение, самооправдание. Пустое...

— Данила, знаешь, я никогда не присутствовал при умирании другого человека, — сказал Анхель через минуту.

— А я присутствовал, и не раз... — прервал его Данила.

— Нет, подожди. Может быть, так и должно быть, но мне кое-что показалось странным...

— Что? — сухо и строго спросил Данила.

— Как бы тебе это объяснить...

— Только не надо меня утешать, — Данила посмотрел на Анхеля строгим, немигающим взглядом.

— А если я действительно так думаю? — Анхель ответил ему таким же взглядом.

— Ну, говори.

— Я думаю, Данила, что он не умер. Мне кажется, он застрял на границе миров, — видя сопротивление Данилы, Анхель стал говорить быстрее и напористее. — Когда мы расстались, он не пошел дальше. Прошел чуть-чуть, куда я уже не мог последовать, и сел на склон перед Башней. Сел и все.

— Анхель, ты с ума сошел?! — сорвался Данила. — Ну что значит — «не умер»?! На какой границе?! Все, Анхель, все! Миссия закончена, миссия не выполняема! И мы с тобой знали это с самого начала! Только мое упрямство — и все!

— Данила, послушай меня. Не торопись. Помнишь, я рассказывал тебе о «точке сборки»?

Анхель, прекрати это! Знаешь, если лучшие из людей так ненавидят людей... В начале я думал: беда в том, что мы не верим, не любим и боимся. А теперь... Вывод такой: мы ненавидим, потому что не верим, не любим и боимся! И это порочный круг, понимаешь?! Нам никогда из него не вырваться!

Вот я — живой пример! Ты вспомни — со мной же все то же самое было! Я жизнь не принимал, ненавистью своей питался. И все потерял... Потерял то, что права терять не имел! Из-за трусости, из-за ненависти своей, из-за всего этого! Думал: «Господи, за что это мне!», — и вот мне за то, что я так думал!

Тут Данила замолчал на мгновение, словно бы ища мысль, и через секунду продолжил:

— Но я и другое понял, Анхель. Этим весь мир живет. И то, что Скрижали потеряны, даже не я виноват, а все мы — каждый! И поделом. Источнику Света хуже не будет, только мороки меньше. А нам — поделом!

— Да что ты такое говоришь, Данила?!

— Говорю, как есть. Что думаю, то и говорю, Анхель. Я ведь плоть от плоти этого мира. Во мне все это есть — и неверие, и нелюбовь, и страх. Ужас даже! И главное — ненависть во мне кипит, даже если я не признаю этого. Как не принимал я этот мир, так и не принимаю. А как в нем жить, если ты его не принимаешь?!

Что ты так на меня смотришь? Да, во мне ненависть. И я скажу, откуда она — от сострадания она, от дурацкого сострадания самому себе! Я только тем, может быть, и лучше кого-то, что действую, если действую, до конца. И пока не уверюсь, что все — конец, нет шансов, не остановлюсь. Но теперь все — я стою. Потому что — кончено!

— Данила, ну ты послушай меня, пожалуйста! — Анхель чуть не плакал. — Я один не могу без тебя это решить. Мне кажется, что я за ниточку какую-то цепляюсь, а дернуть за нее не получается. Вот объясни мне, от чего Илья сказал Кате: «Пока ты жива, я не умру»?

— Да мало ли что умирающий человек скажет! Я бы то же самое сказал, если бы нужно было. Она ведь теперь покончить с собой может, — Данила задумался. — Правильно он это сказал, правильно. Хоть одно доброе дело напоследок. Ты бы не сказал разве?

— Ну пожалуйста! — взмолился Анхель и машинально заходил из стороны в сторону. — Я пробовал сместить «точку сборки». Когда Илья перестал меня слушать и побежал по той дороге, я стал той дорогой. Это сложно объяснить... Я воспринимал все, как будто бы я та дорога... И знаешь, что?!

— Что? — Данила посмотрел на Анхеля, как на умалишенного.

Я чувствовал бег Илья! — воскликнул Анхель.

— И чего в этом странного, если ты был дорогой, по которой он бежал?! — Данила посмотрел на Анхеля с удивлением и отстраненностью.

— Странно не то, что я чувствовал его бег, странно, что он бежал... — Анхель затруднился с поиском аналогии. — Как бы не весь бежал, словно бы одной ногой!

— Ну что за ерунда, Анхель! Что значит «не весь»?! У него же две ноги! Да и как можно бежать на одной ноге?! Глупость какая-то...

— Ты видишь только то, что ты видишь. Но почему ты думаешь, что дорога видит так же, как и ты? — спросил Анхель и уставился на Данилу.

— Я так не думаю...

— Тогда почему ты удивляешься?!

— Но как такое вообще может быть? — Данила, внутренне испытывая сопротивление, продолжал упорствовать.

— Ты не можешь себе этого представить? — уточнил Анхель.

— Не могу. Ты прав — не могу, — твердо сказал Данила.

— А почему ты думаешь, что этого не может быть в восприятии дороги?

Согласен. Она может это так воспринимать. Но, может быть, она всех так воспринимает? Может, для нее все люди — одноногие?!

— Нет, — Анхель мучительно думал. — Это как-то очень странно. Тут что-то есть. Я чувствовал, что чего-то не хватает.

— Но ты же человек, у тебя восприятие человека!

— Да, но ведь «точка сборки» сместилась! Я же был дорогой в тот момент! Если бы всего «хватало», я бы не чувствовал этой нехватки...

— Ладно, Анхель, — Данила подошел к мечущемуся взад-вперед Анхелю и взял его двумя руками за плечи. — Мне кажется, мы с тобой просто потихоньку сходим с ума. Нам трудно согласиться со своим поражением, вот и все. Не вини себя, Анхель. Это я виноват. Знаю, что от этого тебе не легче. Но не вини и не мучь себя...

И тут Анхель разрыдался. Разрыдался как ребенок, как уставший, издерганный, истощенный тщетностью своих усилий ребенок. Анхелю показалось, он бьется в заколоченную дверь. Знает, что должен туда попасть, и понимает, что не может этого сделать. Но, осознавая свое бессилие, продолжает чувствовать, что должен, просто обязан туда попасть!

Внутреннее смятение разрывает его душу. Он мечется, бьется как рыба об лед. Как узнать — ошибаешься ты или нет? Как узнать — отказаться от своего решения, кажущегося безумным и неоправданным, или продолжать борьбу? Нет ответа! И вот в этот момент кто-то, как назло, говорит тебе: «Вранье, за этой дверью ничего нет!» И этот кто-то — Данила!

— Что же ты делаешь?! Что ты делаешь?! — в отчаянии Анхель уткнулся Даниле в плечо. — Помоги мне. Помоги...

— Хорошо, Анхель. Хорошо, — голос Данилы вдруг переменялся. Он словно испугался за друга. Исчезло все его напускное раздражение, вся натуга. Он говорил искренне, с неподдельной заботой. — Давай найдем Катю.

Как ты думаешь. — Анхель поднял на Данилу заплаканные глаза:

— Может, это и глупость, и блажь, но давай попробуем что-нибудь сделать... Иначе я этого не

выдержу, просто не выдержу. Столько загадок! Столько загадок! Это невыносимо, просто невыносимо...

— Ну ладно, ладно. Тихо. Успокойся, — заботливый, проникновенный голос Данилы возвращал Анхеля к жизни. — Начнем как будто с самого начала, будто ничего еще не потеряно. Итак, мы знаем, что у Кати была какая-то странная внутренняя связь с Ильей. -- Знаем?

— Знаем...

— Ну, вот. Пойдем в морг. Катя должна быть там.

Пойдем, — Анхель наскоро утер глаза, и они быстрым шагом направились к моргу.

Они прошли через больничный двор и вошли в морг со стороны помещений, в которых проводились гражданские панихиды. Слабый свет едва освещал внутреннее пространство комнаты. В самом ее центре находилась подставка под гроб, похожая на металлический остов кровати. В углу были свалены грубые пластиковые венки, приготовленные для завтрашних церемоний.

— Куда теперь? — спросил Анхель.

— Вот дверь, — указал Данила.

В соседнем, вытянутом проходном помещении рядом стояли гробы — и закрытые, и открытые. Они, конечно, были абсолютно реальными, но производили вид какой-то странной, неестественной бутафории.

— Что вы тут делаете? — раздалось сзади.

Анхель и Данила резко обернулись. В просвете дверного проема, которым они сами только что воспользовались, стоял пожилой мужчина лет шестидесяти — шестидесяти пяти, в грязном синем фартуке.

— Мы... — начал Данила. — Вы нам не подскажите... Сейчас привезли...

— Ну, да, привезли покойничка, — подхватил тот. — А вы кто ему будете?

— Мы — родственники, — ответил Анхель.

— Там уже этих «родственников» понабежало столько! Девать некуда! — ворча, старик, прошел через всю комнату, мимо Анхеля и Данилы и досадливо покачал головой.

Через мгновение он открыл дверь, ведущую в следующее помещение. Оттуда в сумрак покойницкой пролился искусственный свет гелиевых ламп. На миг Анхелю привиделось, что этот старик — архангел в дверях *того* мира. «Архангел» повернулся к посетителям и замер. Теперь его лица не было видно. На фоне льющегося в полумрак мертвого, белого света рисовался лишь его сгорбленный силуэт.

— Говорите, чего надо?! — грубым, гортанным голосом прохрипел старик.

— Там девушка должна быть, — окрикнул его Данила. — Катя...

— Нету тут никаких девушек, все мужики какие-то в пиджаках. Как на параде. Катя, не Катя, не знаю. Ушла девушка ваша. Сама не своя — словно помирать собралась.

— Куда?! Куда она пошла?! — взволнованным голосом пробормотал Анхель.

А мне-то откуда знать? Не мое это дело. Куда мои «друзья» отправляются — это я знаю, а с живыми — сами разбирайтесь. И не стойте здесь, нельзя вам! — сказав это, старик закрыл дверь, и покойницкая снова погрузилась во мрак.

— Побежали! — скомандовал Данила, и они вдвоем кинулись к выходу.

Найти Катю не удалось. Промозглый ветер гнал людей по холодным московским улицам, расцветенным огнями реклам и витрин. Машины еле двигались в длинных «пробках». Город жил, не понимая, что жизнь — это не просто жизнь. Жизнь — это много больше, чем просто жизнь.

Оглядевшись, Данила принял решение:

— Берем машину, едем к Илье.

— К Илье? — удивился Анхель.

— А что, есть другие предложения?

— Нет.

— Тогда не обсуждается, — отрубил Данила.

Частник с крупными чертами лица и сильным среднеазиатским акцентом согласился доставить пассажиров на Рублевку:

— Семьсот дашь? — спросил он.

— За час довезешь — тысячу получишь! — пообещал Данила.

— Вах! Хорошо живем! — обрадовался водитель.

Анхель и Данила залезли на заднее сидение разбитой пятерки.

— Странно, как это можно чувствовать — бег на одной ноге? — спросил Данила у Анхеля, когда машина уже выскочила на Рублевку. — Знаешь, это очень напоминает одну неразрешимую буддийскую загадку про хлопок одной ладонью.

— Да, я тоже об этом подумал, — ответил Анхель. — Но что сказать — не знаю. Однажды мой

дед показал мне одного странного человека и словно случайно обмолвился: «Душе не всегда хватает одного тела, иногда она использует одновременно два».

Я стал расспрашивать деда, но он так ничего толком и не объяснил мне. Как такое может быть? Но что если душа Ильи, действительно, не ушла в тот мир. Что если есть и другое тело, в котором она пока продолжает жить?

— Странно, — протянул Данила, которому, несмотря на весь его личный опыт, любое мистическое понимание жизни по-прежнему казалось какой-то загадкой, и скорее сказкой, чем правдой.

— Да, странно. Но если бывают близнецы, то есть люди биологически абсолютно друг другу идентичные, с одним генотипом, то почему бы не быть таким близнецам, но духовным, у которых одна душа?

— Знаешь, Анхель, я в это и не очень-то верю. Но дай бог, чтобы это было так... — в голосе Данилы мелькнула искра надежды.

С другой стороны, если Скрижаль была спрятана не в душе, а в теле, то это ничего не меняет, — чувство тревоги не покидало Анхеля. — Да и где его, этого «близнеца», искать?

Водитель заработал свою тысячу — они были на месте даже меньше, чем через час. Отпустив машину, Анхель и Данила решали, как им пробраться за забор, окружавший загородный дом Ильи.

— Ты уверен, что мы все правильно делаем? — спросил Анхель у Данилы.

— Анхель, предложения? — ответил тот вопросом на вопрос, что означало буквально следующее — делаем первое, что приходит в голову, поскольку ничего другого в нее не приходит.

Проявляя чудеса эквилибристики, Данила залез на дерево, растущее прямо возле забора. Потом он помог вскарабкаться на него Анхелю. Дальше нужно было проползти по ветке — этому естественному мостику, что вел на огороженную территорию парка.

Желая остаться незамеченными, Анхель и Данила короткими перебежками миновали охранников и добрались до дома. Двери оказались открытыми. Внутри было темно и пусто. Анхель и Данила остановились и прислушались. Никого.

Вдруг на крыльце началось какое-то движение. Анхель и Данила проскользнули в гостиную и спрятались за портьерами.

В прихожей включился свет и раздался растерянный голос Севы:

— Я не знаю... Но если Илья Ильич сказал...

— Да, сказал! Он мне сказал, что я должна сюда прийти!

«Катя!» — от возбуждения глаза Данилы блеснули в темноте.

— Пожалуйста, дайте мне побыть здесь одной. Всего пять минут. Илья просил меня, — Катя не уговаривала Севу, она буквально требовала этого от него.

— Ну хорошо, — Сева хотел бы ей возразить, но аргументов у него не было.

Никто из тех, кто знал Илью, не мог поверить в случившееся. Сева, как, впрочем, и остальные, пребывал в полной прострации. Он вел себя так, словно бы Илья Ильич куда-то уехал и оставил ряд распоряжений, которые теперь необходимо выполнить.

Сева включил торшеры в гостиной и проследил за тем, как Катя села в кресло перед камином. Потом постоял еще немного в дверях и, наконец, недоуменно пожав плечами, удалился.

Катя тихо плакала в установившейся тишине огромного пустого дома. Она сама не знала, что и зачем делает. Словно бы магнитом, какой-то неведомой силой ее тянуло сюда, в этот дом. Она была здесь лишь однажды, сразу после новоселья. Сидела с Ильей в этих креслах перед камином.

Он рассказывал ей об одном своем странном чувстве:

— Я живу неправильно, я знаю это. Можешь мне не рассказывать. Если бы я жил правильно, я бы чувствовал себя счастливым. Но я не чувствую... Странно, зачем человеку дана жизнь? Чтобы он страдал? Мучился? Зачем он живет? Сколько не ищи, на эти вопросы нет ответа. Тьма не отвечает, а спрашивать остается только у тьмы. Одиночество — это, не просто когда ты один. Одиночество — это, когда ты один и чувствуешь себя в окружении тьмы. Пустота.

Тогда Илья выглядел уставшим и подавленным. Катя пыталась его утешить, но понимала, что на самом деле он нуждается не в утешении, а в ответе на свой вопрос. Но что она — девчушка, студентка юрфака — могла ему ответить, человеку, который добился в этой жизни всего, о чем только может мечтать смертный. Добился, но так ничего и не получил.

Ей хотелось сказать ему: «Илюшенька, милый мой, прислушайся к моему сердцу... Оно бьется ради тебя. Каждый день, каждую минуту, оно трудолюбиво стучит, чтобы ты мог жить. У нас с тобой одна душа на двоих. Я знаю это. Почему ты не слышишь его? Это же так просто — только прислушайся к моему сердцу, как я прислушиваюсь к твоему дыханию. Ведь ты дышишь, чтобы я могла жить. Я знаю это. Моя любовь сделает тебя счастливым. Она сделает тебя таким... Только прислушайся...»

Но Илья не слышал и не прислушивался. Он был окружен своей тьмой, своим одиночеством:

— Мне кажется, что я послан сюда, в этот мир, чтобы выполнить какую-то миссию. Что бы я ни

делал, о чем бы ни думал, все это я делаю для чего-то, ради какой-то цели. Чувствую, что должен, но цели этой не понимаю. Пытаюсь достучаться до людей. Хочу, чтобы они почувствовали свою силу. Отдаю им свою. Они берут и берут, берут и берут. Но ничего взамен! Пустота. Не жизнь, а исправительная колония. Словно бы воз тяну. Как бурлак, тащу эту баржу против течения. Сколько можно это выносить?

И тогда ей хотелось сказать ему: «Илюшенька, что ж ты не видишь одной-единственной малости. Вот бурлак идет по берегу и тянет баржу. И кажется ему, что в этом его усилии центр мира и страдание всего мира. Но почему он не думает о берегу, который становится упором для его ног? Почему не понимает, что веревка дает ему ощущение силы? Почему не ценит он воду, которая держит на себе его баржу? И кем был бы он сам, если бы не было у него баржи? Нет пустоты, и нет одиночества, Илья. И мир не ополчился против тебя. Напротив, каждой своей песчинкой он придает тебе силы. Каждой каплей своей он питает твою душу. Смысл жизни не скрыт, он открыт перед тобой. Только прислушайся к моему сердцу...»

Но Илья не прислушивался и не слышал. И потому одиночество его, его тьма пожирала его израненную душу, словно голодный падальщик.

— Знаешь, за что я ненавижу людей? — спросил он у Кати. — Я ненавижу их за собственное бессилие. Никому об этом не говорил, а тебе говорю. Не знаю, зачем, но говорю, и это правда. Если ты чувствуешь, что в тебе есть многое, ты хочешь отдавать многое. Но отдать можно, если готовы принять. Но то, что во мне, никому не нужно. Шарахаются от меня, словно я заразный, словно бы прокаженный.

Мои плоды созрели, но никто не сорвал их, и они подвергаются гниению и губят меня.

И тогда ей хотелось сказать ему: «Илюшенька, я знаю, как вкусны плоды твоей светлой души. Я знаю, с какой любовью ты растил их. Не печалься, пожалуйста, ты делаешь счастливой *меня*. Благодаря тебе я чувствую свою силу. Почему ты не видишь этого? Ты будешь счастлив, если почувствуешь это. Моя благодарность наполнит тебя силой. И одиночество оставит тебя, когда разглядишь ты истинные плоды трудов своих. Все, что ты делаешь, — не напрасно, и жизнь твоя драгоценна, и ничто не утекает сквозь пальцы. Только прислушайся к моему сердцу... Только услышь...»

— Почему, почему ты умер, Илья! — шептала Катя сквозь слезы. — Почему ты умер так?.. Умер и не понял, что не ты был послан помогать другим людям, а я была послана, чтобы помочь тебе...

И в этот миг в комнате началось какое-то странное движение. Все переменилось — стены, потолок, окна, мебель, прочие предметы. Катя стояла в центре, пространство вокруг нее ожило. Оно выгибалось, вытягивалось, сжималось, пульсировало.

На том месте, где только что был камин, теперь образовалась объемная ниша, откуда постепенно, нарастая с каждым мгновением, исходило холодное, синее, похожее на люминесцирующие огни свечение.

Ангель и Данила, оказавшиеся на периферии происходящих трансформаций пространства, переглянулись. В этом свечении оба они узнали те отблески огня, которые мерцали в основании Башни.

Прошло еще какое-то время, и это свечение превратилось в полупрозрачное тело Ильи. Он подошел к Кате близко-близко. Она словно бы ждала этого. Какое-то время они простояли так, глядя друг на друга. Потом Илья сделал шаг, и они соединились.

В следующую минуту видение исчезло так же постепенно, как и началось.

«Пока ты живешь, я не умру»...

Все в комнате было как прежде, только покрылось слоем пепла. Волна света подняла и разметала его из каминной ниши. Катя лежала на полу. Ее глаза были закрыты, а на лице играла улыбка. Ангель и Данила подошли к девушке. Она была погружена в глубокий сон.

Рядом с ней лежал сильно обгоревший лист из какой-то книги. Ангель поднял его и посмотрел. Огонь пощадил несколько слов, которые сами собой складывались в текст второй Скрижали. Ангель прочел его, улыбнулся и передал Даниле.

Глубокая ночь. Промозглый осенний ветер.

Низкие облака украли небо. Пусто.

Редкие машины освещают трассу фарами дальнего света. Наши шансы равны теперь двум к пяти.

Много это или мало?..

Еще несколько месяцев назад такой результат показался бы нам огромным.

Теперь, после всего, что случилось за эти два дня, он воспринимается как чудовищно малый.

Странно рассуждать о жизни, рассчитывая вероятность ее продолжения.

Но зная правду, иначе не получается...

И заблуждаются те, кто думает о ней как о чем-то вечном и неизбежном.

Подлинная ценность просто не может быть «неизбежной».

Неизбежны траты и потери на пути к подлинной ценности.

То, что дается человеку легко, в действительности ничего не стоит.

И наоборот: по-настоящему ценное

*всегда дается большим трудом. Таков Закон
 . И это нужно принять.
 А еще нам нужны силы, нужна вера и нужны поступки.
 Ведь конец одного дела означает не более чем начало следующего.*

ЭПИЛОГ

Мы сидели в небольшой пиццерии. Данила молчал и сворачивал фигурки из лежавших на столе рекламных буклетов. Задумываясь, он всегда делает это с подвернувшимся ему листом бумаги. Словно бы инстинктивно помогает своей мысли обрести более строгую и ясную форму.

— Данила, о чем ты думаешь? — спросил я его.

— О второй Скрижали, — полушепотом ответил Данила.

— И что ты думаешь?

— Я думаю, что это очень просто, что это лежит на поверхности... А глазу не видно, — после этих слов Данила замолчал и только спустя пару минут продолжил. — Вот ты мне рассказывал о «точке сборки». С разных точек зрения, разными глазами мир, действительно, выглядит и смотрится по-разному. Ты видишь его так, а я — иначе. Кто-то третий или что-то третье — совсем по-другому. Но я сейчас думаю не о «точке сборки», а о чем-то другом... О «точке отсчета». Вот смотри, у каждого действия есть две стороны. Так?

— В смысле? — не понял я.

Ну вот, например, любовь. Любовь — это отношение между двумя людьми. Это отношение, даже если любовь не взаимная. Все равно, ведь один любит, а другой — любим. Тот, кого любят, может сам и не любить, но он все равно от этих отношений что-то получает. Это абсолютное правило, что не возьми. Всегда существует обратная связь, даже если тебе кажется, что это игра в одни ворота. Особенно, когда тебе кажется, что это игра в одни ворота!

— Ну и причем тут «точка сборки»? — я понимал, о чем говорит мне Данила, но я не понимал, к чему он ведет.

— Сейчас объясню. В жизни можно ориентироваться двумя способами. Можно думать, что все, что ты делаешь, ты делаешь для кого-то, для окружающего тебя мира, словно исполняешь какую-то повинность. А можно думать и по-другому, стоит только посмотреть на это с другой точки. Да, ты что-то делаешь, но ведь в ту же самую секунду и этот мир что-то очень важное делает для тебя. Кажется — ерунда! Какая разница?! А ведь нет, совсем нет! Есть разница!

— Какая разница?.. — я растерялся.

— Слушай, ну вот мир посылает тебе какого-то человека, хорошего или плохого, за помощью или с помощью — не важно. В этом должен быть какой-то смысл?

— Наверное, должен...

— А я теперь уверен, что должен! Я как прочел вторую Скрижаль, сразу во мне что-то переменялось. Во всем есть смысл! Этот человек, которого тебе мир послал, очень важное в твоей жизни событие. Может быть, он испытание для тебя, а может быть — тайна, которую тебе предстоит открыть. Общаясь с ним, ты, возможно, узнаешь что-то для себя важное или что-то про себя самого, о чем раньше и не догадывался. Все это мир дает тебе через него! И благодаря этой случайной встрече ты можешь стать сильнее, умнее, больше, тоньше, глубже... Все это преображает тебя!

— Одна и та же ситуация может восприниматься и как бремя, и как подарок! — я понял, наконец, то, что пытался втолковать мне Данила.

— Я об этом и говорю! В одном случае ты истощаешься, устаешь, словно постоянно теряешь, тратишься на какого-то дядю. Конечно, в определенный момент тебе это надоедает, к горлу подступает ненависть. Ты раздражаешься: «Какого черта?!» А теперь просто изменим «точку отсчета», посмотрим на это же отношение, но с другой стороны: что лично тебе дает эта встреча? И все меняется — напряжение уходит, а ты начинаешь чувствовать, как мир заботится о тебе. А понимая, что весь мир действует для тебя и на благо тебе, ты исполняешься радостью, чувствуешь благодарность.

— Как же это просто быть счастливым! — воскликнул я. — Просто пойми: все, что ты делаешь, и все, что происходит с тобой, это подарок! Ты постоянно получаешь подарки! Ты или видишь это, и тогда ты счастлив. Или нет, и тогда вся твоя жизнь превращается в муку, наполняется одиночеством и теряет всякий смысл! Все зависит от... Как ты ее назвал?.. — я забыл это выражение.

— «Точки отсчета», — улыбнулся Данила.

— Да, все зависит от «точки отсчета»! Ты или смотришь из своего «я», или в самого себя...

После этого Данила стал пересказывать мне все, что случилось с нами за последние два дня, опираясь на содержание второй Скрижали. Данила говорил и говорил, а я смотрел на него и недоумевал. Во всем происходящем с нами я продолжаю видеть борьбу сил Света с силами Тьмы. Я вижу, как Тьма пытается погубить тех, в ком спрятаны Скрижали Завета. Я чувствую Ее сопротивление нашим действиям,

ощущаю Ее силу. Я понимаю, наконец, какой груз небывалой ответственности лежит на наших с Данилой плечах.

А Данила, что бы ни случилось, что бы ни происходило, думает только о том, как следует правильно жить. И ведь он прав. Скрижали — это не просто заклинание, способное спасти мир. Это некая инструкция, некие правила жизни, которым надлежит следовать, если ты действительно хочешь, чтобы этот мир не отправился в Никуда. Я смотрел на Данилу и завидовал ему: мы оба выполняем то, что нам предназначено, но я вижу труд и борьбу, а Данила получает от этого труда что-то очень важное для себя.

Библиотека сайта «Путь к разуму и Силе»
<http://esotericpl.narod.ru/elbibl.htm>